Илья Полонский

Кровь джунглей: партизанские войны в Азии

Илья Полонский

Кровь джунглей: партизанские войны в Азии

«Издательские решения»

Полонский И. В.

Кровь джунглей: партизанские войны в Азии / И. В. Полонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834535-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В
книге рассказывается о партизанских войнах и повстанческих движениях в ряде стран Юго-Восточной и Южной Азии. Читатель познакомится с малоизвестными и увлекательными страницами новейшей истории Индии и Бирмы, Таиланда и Лаоса, Непала и Бутана, Шри-Ланки и Бангладеш, Филиппин и Малайзии, Индонезии и Камбоджи, Папуа-Новой Гвинеи и Мальдивских островов.

ISBN 978-5-44-834535-7

© Полонский И. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Часть 1. ВЕЧНАЯ ВОЙНА В СТРАНЕ ЗОЛОТЫХ ПАГОД 7
Красный и белый флаги бирманских коммунистов 7
Карены в борьбе за независимость 12
Опиумные войны Шанских гор 16
Государство Председателя Бао 21
Война в «Нефритовом государстве» 25
Часть 2. ОТ ГИМАЛАЕВ ДО ЦЕЙЛОНА 29
Наследники Мао в Непале и Бутане 29
Красный марш наксалитов 33
«Семь сестер» берут автоматы 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Кровь джунглей: партизанские войны в Азии

Илья Викторович Полонский

© Илья Викторович Полонский, 2016

ISBN 978-5-4483-4535-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Конец Второй мировой войны ознаменовал начало новой эпохи. В мировой политике многократно возросло влияние Советского Союза, сыгравшего ключевую роль в разгроме гитлеровской Германии. Победоносная Красная Армия не просто освободила страны Восточной Европы от нацизма, но и содействовала установлению в них просоветских народно-демократических режимов. Формировался социалистический, или Восточный, блок, ставший вторым мировым центром силы, после Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним старых колониальных держав Запада – Великобритании и Франции.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе разворачивались бурные события. Разгром Японии оказал колоссальное воздействие на народы Юго-Восточной и Южной Азии. Во-первых, они смогли убедиться в слабости метрополий – Нидерландов, Франции, Великобритании, которые не смогли в годы Второй мировой войны оказать достойное сопротивление японским империалистам. Во-вторых, во время Второй мировой войны населением региона был получен бесценный опыт партизанской войны, которую созданные патриотами повстанческие армии вели и против старых колонизаторов, и против новых оккупантов – японцев. Возвращаться к колониальной модели управления не было никакого смысла.

Для европейских держав подъем национально-освободительного движения в азиатских колониях стал сильнейшим ударом. Ведь Индия для Великобритании, Вьетнам для Франции, Индонезия для Нидерландов были важнейшими в экономическом и военно-политическом отношении владениями. Провозглашение их независимости в корне меняло не только существующую карту мира, но и все военно-политические расклады в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Практически во всех странах Южной и Юго-Восточной Азии к концу 1940-х годов сформировались сильные коммунистические движения. По сути, коммунисты в целом ряде стран так и не прекратили боевые действия – просто антияпонская партизанская война плавно трансформировалась в антиколониальную, а затем – в войну против прозападных правительств. Решающее влияние на ситуацию в Юго-Восточной и Южной Азии оказали победа коммунистов в Китае, а также появление коммунистических государств в Северной Корее и Северном Вьетнаме. Эти события стали стимулирующими для коммунистических партий в других странах региона. Страны Южной и Юго-Восточной Азии надолго превратились в «горячие точки», где не прекращались партизанские войны.

Помимо коммунистических партий, большинство из которых после раскола между Москвой и Пекином, стало ориентироваться на Китай и маоистское направление в мировом коммунистическом движении, в Юго-Восточной и Южной Азии активизировались и сепаратистские движения. Практически все страны региона отличаются очень сложным этническим и конфессиональным составом населения. Поэтому не было ничего удивительного в том, что амбициозные национальные лидеры попытались разыграть этническую карту и создать собственные государства. В наибольшей степени от сепаратизма страдали Бирма и Индия, где к поддержке сепаратистов, опять же, приложил руку могущественный сосед – Китай.

В представленной Вашему вниманию книге в стиле свободного повествования рассказывается о многочисленных гражданских войнах, восстаниях и революционных движениях в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – Бирме, Индии, Непале, Бутане, Бангладеш, Шри-Ланке, Таиланде, Лаосе, Камбодже, Малайзии, Индонезии, Филиппинах, Папуа-Новой Гвинее и Мальдивских островах.

Часть 1. ВЕЧНАЯ ВОЙНА В СТРАНЕ ЗОЛОТЫХ ПАГОД

Красный и белый флаги бирманских коммунистов

Мьянма, или Бирма, – одна из самых закрытых стран Юго-Восточной Азии и мира в целом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что подробности гражданской войны, длящейся в этой далекой стране уже семьдесят лет, практически неизвестны российскому читателю. Лишь специалисты и любители-историки имеют представление о событиях, речь о которых пойдет ниже. Гражданская война в Бирме – типичный пример хаоса, который могут разжечь в неугодном государстве мировые державы, заинтересованные в его природных ресурсах.

Поражение Японии во Второй мировой войне имело огромное значение для Юго-Восточной Азии. В Индокитае, на Малайском архипелаге активизировались национально-освободительные движения. Во Вьетнаме, а затем Лаосе и Камбодже, находившихся до японской оккупации в колониальной зависимости от Франции, активизировались коммунисты. Королевский Таиланд, единственная страна Индокитая, сумевшая сохранить политическую независимость и так и не превратиться в чью-либо колонию, превратился в верного союзника Соединенных Штатов Америки. Что же касается Бирмы, британской колонии, то она, после провозглашения независимости, на долгие десятилетия оказалась охваченной гражданской войной. Одновременно на территории Бирмы воевали сепаратисты против правительственных войск и правительственные войска против сепаратистов, отдельные сепаратистские группировки – между собой, коммунисты и сепаратисты, коммунисты и правительственные войска. Многие очаги бирманской гражданской войны не ликвидированы до сих пор, хотя там и действуют режимы прекращения огня.

В 1989 году Бирма отказалась от своего прежнего названия, ассоциировавшегося с колониальной эпохой, и стала именоваться «Мьянма». Но мы, для удобства читателя, будем использовать старое, более привычное название этого индокитайского государства. Вся послевоенная история Бирмы – это история сменявших друг друга авторитарных режимов, не ставивших под сомнение необходимость «закрытости» страны, а также непрекращающаяся гражданская война.

Бирма-Мьянма – крупное по мировым меркам государство. В нем проживает не менее 55 млн. человек. Ситуация в стране осложняется тем, что далеко не все население Бирмы однородно в этническом отношении. В стране проживают представители нескольких десятков народов и этнических групп, исповедующих самые разные конфессии – буддизм (обоих направлений – Хинаяны и Махаяны), христианство (протестантизм и католицизм), ислам, традиционные анимистические верования. Такая этноконфессиональная пестрота неизбежно сказывается на уровне внутреннего социально-политического единства страны.

С 1885 по 1945 годы Бирма находилась под управлением Великобритании. Колониальным властям удавалось управлять страной, лавируя между интересами многочисленных народов и этнических групп. Британцы противопоставляли собственно бирманцев («мьянма») и представителей национальных меньшинств, проживавших в горных районах. В районах проживания национальных меньшинств сохранялся традиционный уклад – колониальным властям было проще опираться на местных князей и вождей, чем создавать «с нуля» целую систему администрирования.

Суверенная Бирма начала свою историю как федеративное государство – Бирманский Союз. В его состав вошли семь провинций, населенных собственно бирманцами, и семь национальных штатов – Аракан, Кайя, Карен, Качин, Мон, Чин и Шан. В национальных штатах проживали не только титульные народы, по имени которых штаты и получили свое название, но и многочисленные национальные меньшинства. Однако, такое государственное устройство Бирмы не устроило многие политические силы в национальных штатах, которые настаивали на полной независимости своих территорий. Практически сразу же после провозглашения независимости Бирмы ситуация в ней дестабилизировалась. Катализатором противоречий послужило обещание уходивших британских колонизаторов предоставить политическую независимость штатам Кайя, Карен и Шан. Кроме кайя, каренов и шанов, независимости захотели и другие народы Бирмы, которые опасались, что в бирманском государстве их интересы будут всячески ущемляться.

После войны к власти в независимой Бирме пришли национальные социалисты из Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС). Эта организация, наследовавшая традиции довоенных национально-освободительных партий и обществ («Добама Асийон» и др.), стояла на принципах «бирманского социализма». Первым лидером АЛНС был Аун Сан – бирманский революционер, герой национально-освободительного движения страны, погибший в 1947 году от рук террористов. После его смерти Антифашистскую лигу возглавил У Ну. Он оставался «у руля» бирманского государства до 1958 года. В отличие от большинства других политиков, имя У Ну получило известность в Советском Союзе – благодаря начавшемуся в годы его правления развитию советско-бирманских отношений.

Правительство У Ну приступило к проведению экономической реформы, направленной на экономическую модернизацию Бирмы и превращение ее в социалистическую страну. Однако, несмотря на глобальные планы по улучшению жизни населения, в реальности социально-экономическая ситуация в стране была далека от совершенства. Бирманское крестьянство эксплуатировалось помещиками и ростовщиками, что вызывало растущее недовольство его беднейшей части. В Нижней Бирме, населенной преимущественно бирманцами, получила большое политическое влияние Коммунистическая партия Бирмы, которая находилась на более радикальных позициях, чем «бирманские социалисты» Антифашистской лиги.

Бирманские коммунисты имели общее происхождение с Антифашистской лигой – собственно, компартия и возникла на базе левого крыла «Добама Асиайон». 15 августа 1939 г. было официально объявлено о создании Коммунистической партии Бирмы. В 1943—1945 гг. бирманские коммунисты активно участвовали в антияпонском национально-освободительном движении. Однако, внутреннего единства не было и в рядах бирманской компартии. Уже к 1946 году Компартия Бирмы раскололась на две части – просто Коммунистическая партия, называемая иногда партией «Белого флага», и Коммунистическая партия Бирмы Красного флага. «Краснофлажники» считались более радикальными и выступали с резкой критикой бирманской власти. Коммунисты требовали от правительства Антифашистской лиги ускорить темпы проведения земельной реформы и проводить ее в интересах беднейшего крестьянства. В конце концов, доминировавшая в Антифашистской лиге Социалистическая партия потребовала от правительства арестовать руководителей компартии и запретить ее деятельность. Ответом стал переход бирманских коммунистов к вооруженной борьбе против бирманского правительства.

Партия «Красного флага» закрепилась на западе страны и наиболее активно действовала в провинции Аракан, а партия «Белого флага» оперировала в Нижней Бирме, а затем была оттеснена правительственными войсками в северные и восточные провинции страны. Обе бирманские компартии с точки зрения советских коммунистов были «левацкими» – «Красный флаг» обвиняли в троцкизме, а «Белый флаг» в конечном итоге перешел на маоистские позиции и стал получать поддержку от Китая.

Несмотря на попытки Советского Союза, находившегося в хороших взаимоотношениях с правительством социалиста У Ну, прекратить войну в Бирме, в которой коммунисты воевали против социалистов, боевые действия лишь набирали интенсивность. Свою роль сыграл и раскол международного коммунистического движения, в результате которого значительная часть азиатских коммунистов пошла за Китаем. Позиции Пекина в Юго-Восточной Азии оказались даже более прочными, чем позиции Москвы. На Китай стали ориентироваться бирманские, таиландские, индонезийские, филиппинские коммунисты. Поскольку Компартия Бирмы встала на позиции маоизма, Советский Союз перестал оказывать ей ощутимую поддержку. Тем более, что в отличие от Вьетнама, Лаоса или Камбоджи, в Бирме коммунисты воевали не против прозападных правительств, а против социалистов, и так поддерживавших дружественные отношения с Москвой. Однако, отказ от поддержки бирманских коммунистов фактически свел к минимуму влияние СССР в Бирме. В отличие от Китая, сохранившего связи с коммунистами, СССР полностью переориентировался на сотрудничество с правительством бирманских социалистов. Но так как бирманские социалисты были очень закрытой и враждебной к внешним влияниям силой, то превратить Бирму в одну из просоветских стран, у Москвы так и не удалось.

Тем временем, прокитайские коммунисты набирали силу. Успех Коммунистической партии во многом объяснялся той активной поддержкой, которой она пользовалась среди крестьянского населения Нижней Бирмы. Коммунисты обещали крестьянам не только землю, но и освобождение от эксплуатации со стороны индийских ростовщиков. Это привлекало в ряды коммунистов не только сельское население, но и солдат правительственных войск – тех же вчерашних крестьян, которые целыми группами дезертировали из войсковых частей и присоединялись к повстанческим отрядам.

Однако, уже к середине 1950-х годов активность вооруженной борьбы коммунистов начинает постепенно снижаться. Главными причинами ослабления позиций Компартии Бирмы стали, во-первых, отсутствие серьезной поддержки извне – в отличие от тех же вьетнамских коммунистов, бирманским товарищам не помогал Советский Союз, а во-вторых – неспособность коммунистических руководителей договариваться и друг с другом, и с лидерами многочисленных этнических вооруженных формирований, сражавшихся за независимость национальных штатов Бирмы. Кроме того, свою роль сыграли и изменения в политической жизни страны, произошедшие в начале 1960-х годов.

В 1962 году к власти в Бирме пришел генерал Не Вин. Ветеран национально-освободительного движения, генерал Не Вин в молодости получил военное образование в Японии – как известно, «такины» (борцы за независимость Бирмы) перед началом Второй мировой войны установили тесные связи с Токио, считая японского императора заступником всех азиатов, колонизированных европейскими державами. В Японии готовили командные кадры для бирманского национально-освободительного движения. Затем «такины» перешли на антияпонские позиции. Когда Бирма добилась независимости, Не Вин начал службу в вооруженных силах суверенного государства, занимая различные командные посты. В 1958 году генерал был назначен главой бирманского правительства, а в 1962 году возглавил государственный переворот.

Как и У Ну, генерал Не Вин был сторонником национального социализма. Но, в отличие от У Ну, Не Вин стремился не на словах, а на деле воплотить в жизнь основные принципы «бирманской социалистической программы». Генерал приступил к национализации всей бирманской промышленности, кооперации сельского хозяйства. Попутно была запрещена деятельность всех оппозиционных политических партий Бирмы, включая, разумеется, и коммунистов. Правительственные войска нанесли силам Компартии Бирмы несколько серьезных поражений, после чего формирования коммунистов были вынуждены отступить в труднодоступные северные районы Бирмы и перейти к классической партизанской войне против правительства.

В отличие от генерала Не Вина, занявшего важные посты в руководстве суверенной Бирмы, его ровесник и бывший товарищ по национально-освободительному движению «такинов» Такин Тан Тун после окончания Второй мировой войны ушел в глухую оппозицию. Именно Такин Тан Тун возглавил Коммунистическую партию Бирмы (Белый флаг) и на протяжении двадцати лет осуществлял общее руководство партией и ее боевыми операциями против правительственных войск. По мнению британского историка Мартина Смита, Такин Тан Тун был вторым по значимости после национального героя генерала Аун Сана деятелем национально-освободительного движения Бирмы. Кроме практической политики, Такин Тан Тун много занимался и теоретической работой, пытаясь отыскать наиболее оптимальный для бирманского общества путь к коммунистическому переустройству.

После раскола в международном коммунистическом движении Такин Тан Тун и его соратники поддержали Китай. Они обвинили Советский Союз и Коммунистическую партию Советского Союза в поддержке «полуколониального националистического режима», как компартия окрестила правительство бирманских социалистов. Коммунистическая партия Бирмы превратилась в главного проводника китайского политического влияния в Западном Индокитае. По образцу китайских коммунистов, бирманская компартия начала изменения и в собственной структуре. В частности, в партии была проведена своя «культурная революция», в результате которой, как сообщалось, были очищены ряды партийного руководства – от «ревизионистов» и «соглашателей». Масштабные чистки коснулись многих видных деятелей бирманского коммунистического движения. Заподозренных в «ревизионизме» приговаривали к смертной казни, а в число исполнителей приговоров включали друзей и даже братьев или сыновей «предателей партийного курса». «Культурная революция» нанесла серьезный урон численности бирманских коммунистов, неизбежно отразившись и на масштабе их деятельности.

Внутренние противоречия в партии привели к тому, что в 1968 году сам Такин Тан Тун был убит одним из своих боевиков. После его смерти партия продолжала терять в численности и была вынуждена сосредоточить свою активность на небольшой территории в штате Шан, где проживает одно из национальных меньшинств – народность ва.

Однако, политический курс Коммунистической партии Бирмы оставался маоистским. В 1978 году председатель ЦК Компартии Бирмы Такин Ба Тейн Тин по-прежнему рассматривал политику Советского Союза как империалистическую, а политику просоветского правительства Вьетнама – как гегемонистскую. Бирманские коммунисты выразили всестороннюю поддержку борьбе «красных кхмеров» и полпотовскому эксперименту в Камбодже. Что касается перспектив борьбы в самой Бирме, то коммунисты продолжали ориентироваться на маоистскую концепцию «народной войны», предполагавшую опору на повстанческий потенциал сельского населения.

В 1980-е годы на активности бирманских коммунистов неизбежно сказалась либерализация политического курса в самом Китае. Пекин стал снижать темпы поддержки коммунистических движений в Юго-Восточной и Южной Азии, что привело к значительному ослаблению красных повстанцев в Бирме и некоторых других странах региона. Сокращение китайской помощи стало одним из важных факторов ослабления бирманской компартии, наряду с эффективной политикой центрального руководства и сложными взаимоотношениями коммунистов с повстанческими движениями этнических меньшинств в горных районах Бирмы.

В настоящее время коммунистическое движение в Мьянме очень ослаблено. Оно не имеет и малой части того влияния, которым пользовалось прежде – в 1940-е – 1960-е годы. Однако, как считают бирманские и британские эксперты, в определенной социально-политической ситуации и в случае появления «внешнего» союзника, бирманские коммунисты способны вновь возобновить боевые действия в стране. Наибольшее влияние на политическую

ситуацию в Мьянме продолжает оказывать Китай. В отличие от Советского Союза, Китаю удалось прочно закрепиться в этой стране.

Карены в борьбе за независимость

Во время британского колониального владычества англичанам удавалось успешно играть на противоречиях между бирманцами как основным и государствообразующим народом страны, и многочисленными национальными меньшинствами, которые бирманцам противопоставлялись именно с целью превращения их в опору колониального режима. Естественно, что провозглашение суверенитета Бирмы было воспринято национальными меньшинствами как шанс к обретению собственной национальной независимости. Тем более, что сепаратистские настроения активно подогревались англичанами, пообещавшими перед уходом колониальной администрации независимость нескольким бирманским штатам.

Один из очагов сопротивления центральной власти возник на Юго-Востоке Бирмы, на территории штата Карен. Основное население этой территории – карены – народ, а точнее – конгломерат народностей и племен, относящихся к каренской ветви тибето-бирманской языковой семьи. В современной Мьянме каренское население насчитывает до 7 миллионов человек и лишь около полумиллиона каренов проживает в соседнем Таиланде. В знаменитом фильме «Рэмбо – 4», события которого разворачиваются на территории Бирмы, главный герой оказывает помощь именно каренам, которые представлены угнетаемым центральными властями национальным меньшинством.

С давних времен южные карены подвергались культурному влиянию соседних монов. Моны – ныне один из наиболее мирных народов Бирмы – проживали на территории страны задолго до того, как ее заселили собственно бирманцы. Именно моны, родственники кхмеров, создали первые государства в Нижней Бирме. Естественно, что последующая экспансия бирманцев с севера и разгром монских королевств, сопровождавшийся вырезанием наиболее пассионарной части монов, способствовали не только усмирению монских земель, но и бегству части монов в соседние каренские земли. С тех пор феодальная верхушка каренов подвергалась монскому влиянию, впитывая, в том числе, и ненависть к центральной бирманской власти.

Британская колониальная администрация, следуя принципу «разделяй и властвуй», увидела в подвергшихся монскому влиянию южных каренах надежных помощников. Сотрудничеству с колонизаторами были рады и сами каренские вожди, которым не терпелось взять исторический реванш у бирманцев. К тому же, в отличие от бирманцев – убежденных последователей буддизма Хинаяны («малой колесницы»), карены охотно христианизировались, принимая веру британских миссионеров. Сегодня до 25% каренов, преимущественно в дельте Иравади, идентифицируют себя как христиане – баптисты, адвентисты седьмого дня, католики. При этом христианство у них причудливо сочетается с сохранением традиционных племенных верований.

Христиане – карены положительно воспринимались британскими колонизаторами и имели преимущества в поступлении на военную и гражданскую службу. В годы японской оккупации Бирмы карены активно сопротивлялись новым властям, действуя под руководством англичан. Именно к этому времени относится и начало вооруженной конфронтации прояпонской Армии независимости Бирмы, из которой впоследствии и выросла вся послевоенная бирманская элита, и каренских формирований. В отместку за участие каренов в войне на стороне англичан, японцы и союзные им (до 1944 г.) бирманцы уничтожали каренские деревни, убивали мирное население, что также не могло не отразиться на взаимоотношениях двух народов.

Несмотря на то, что британская колониальная администрация пообещала решить после войны вопрос о каренской государственности, в действительности к этому не было предпринято никаких шагов. Более того, напряженность в отношениях между руководством бирманских социалистов и каренскими вождями нарастала. В вооруженных силах Бирмы к моменту провозглашения независимости служило много каренских военнослужащих – бывших британ-

ских солдат. По понятным причинам власть стремилась избавиться от каренской компоненты в армии. Так, был смещен и арестован генерал Дан Смит – карен по национальности, занимавший пост начальника штаба бирманской армии.

Для защиты своих интересов каренами был создан Каренский национальный союз. Возглавивший его генерал Бо Мя (1927—2006), баптист по вероисповеданию, начал свою политическую карьеру с участия в антияпонском сопротивлении на стороне британцев. Несмотря на молодые годы, ему удалось быстро занять руководящие позиции в каренском национальном движении. После того, как в 1949 году Каренский национальный союз провозгласил независимость Каренского государства от Бирмы, под непосредственным руководством Бо Мя была создана Каренская национально-освободительная армия (КНОА), на протяжении полувека остававшаяся серьезнейшим участником бирманской гражданской войны. Целью этих структур стало создание независимого государства Котхолей («Отвоеванная земля») на территории штата Карен и других районов компактного проживания каренских этнических групп.

Первое время каренским повстанцам удавалось настолько серьезно атаковать бирманские позиции, что мировая общественность сомневалась в самой перспективе существования Бирмы как единого унитарного государства. В частности, в 1949 году карены осаждали бирманскую столицу Янгон (Рангун), не говоря уже о том, что повстанческой армией был установлен полный контроль над территорией национального штата Карен.

Серьезность намерений Каренского национального союза в отношении создания собственного национального государства подтверждалась и тем фактом, что карены боролись с наркоторговлей и культивированием наркотических культур. Для Бирмы и вообще Индокитая это было на грани нонсенса – дело в том, что практически все вооруженные группировки, участвовавшие в гражданских войнах на территории региона знаменитого «золотого треугольника» (стык границ Бирмы, Таиланда и Лаоса) черпали значительную часть своих бюджетов именно за счет наркоторговли. Даже коммунистические отряды не брезговали контролем за плантациями опийного мака.

Каренский национальный союз не только вел боевые действия против бирманского правительства руками своего вооруженного крыла – национально-освободительной армии, но и стремился к развитию инфраструктуры на подконтрольных территориях. В меру возможностей создавались новые школы, лечебные учреждения, упорядочивалась торговля между населенными пунктами. Усилия бирманской армии по нейтрализации каренских формирований осложнялись тем, что последние отступали в горы, контролировать которые у центрального правительства не было никаких возможностей. В ответ бирманцы отыгрывались на мирном населении каренских деревень, которое поддерживало своих повстанцев и являлось последним ресурсной и людской базой. За годы противостояния более миллиона человек покинули свои деревни и стали беженцами в соседнем Таиланде.

Стремление каренов к отделению от Бирмы росло тем сильнее, чем жестче действовали правительственные войска в отношении мирного населения штата Карен. Уничтожение мирных граждан, репрессии против приверженцев христианской религии, использование запрещенных мин – все это в изобилии присутствовало в войне бирманского правительства и Каренского национального союза.

Как и бывает в подобных конфликтах, на каренов делали ставку другие государства – прежде всего, США и Великобритания, которые покровительствовали каренскому движению как естественному способу ослабления центральной бирманской власти. Значительную помощь каренскому национальному сопротивлению оказывал и соседний Таиланд. Между Таиландом и Бирмой наблюдалось давнее военно-политическое соперничество, уходящее своей историей вглубь веков, когда бирманцам даже удалось на некоторое время нанести тайскому королевству поражение и занять его столицу. Естественно, что карены в данной ситу-

ации рассматривались руководством Таиланда как прекрасный инструмент для ослабления векового соперника, тем более заигрывавшего с социалистической идеологией.

Двадцатитысячная каренская армия, контролировавшая юго-восточные территории Бирмы, получала от Таиланда всестороннюю помощь, включая и вооружение. На территории Таиланда существовали военные лагеря каренских повстанцев. С помощью затяжной гражданской войны Таиланд серьезно нейтрализовал Бирму в качестве соперника в регионе, однако ничто не может продолжаться вечно. После того, как «Холодная война» пошла на спад, Таиланд существенно снизил и поддержку каренских сепаратистов. Бирма, переименованная в Мьянму, нормализовала отношения с ближайшим соседом, и королевскому правительству ничего не оставалось, как постепенно вытеснить каренские формирования со своей территории.

К 1990-м гг. относится и раскол каренского национального движения по религиозному признаку – буддисты обвинили доминировавших христиан в дискриминации и посягательстве на свои интересы и сформировали собственную Демократическую каренскую буддистскую армию, которая достаточно быстро оказалась на стороне своих единоверцев – центральной бирманской власти. Одновременно появились и более радикальные и экзотические отколы от Каренского национального союза – Каренской национально-освободительной армии.

Одним из них стала Армия Бога, прославившаяся на весь мир детским и подростковым возрастом не только большинства своих боевиков (обычное дело для Индокитая – и среди «красных кхмеров», и среди других повстанческих групп дети и подростки всегда встречались в изобилии), но и лидеров. Братья Джон и Лютер Хту, присвоившие сами себе звания полковников, начали командовать «Армией Бога» в двенадцатилетнем возрасте, что было слишком юно даже по местным меркам. В центр внимания мировой общественности армия малолетних братьев попала в январе 2000 года, когда десять ее боевиков захватили госпиталь в таиландском городке Ратчабури. В заложниках у «солдат Бога» оказалось 700, а затем (после частичного освобождения) 200 сотрудников и пациентов госпиталя. Впрочем, подготовка таиландских спецподразделений оказалась более серьезным делом, нежели вера в харизматических братьев – террористы были уничтожены в результате спецоперации. Спустя год уже в Мьянме были захвачены в плен и сами братья Хту.

Примечательно, что более умеренное и многочисленное крыло каренского сопротивления, консолидировавшееся вокруг Каренской национально-освободительной армии, непримиримость братьев Хту оценило негативно – надежды на мирный исход борьбы за независимость не оставляют даже воевавших десятилетиями в джунглях ветеранов каренского движения.

Однако, вооруженное сопротивление каренских повстанцев с некоторой интенсивностью продолжается и в настоящее время. В 2012 году между центральным руководством Мьянмы – Бирмы и Каренским национальным союзом было заключено перемирие, но далеко не все каренские вооруженные группы, как это бывает в периоды гражданской войны, согласились с «оппортунистической» линией своего руководства. Поэтому территории штата Карен и пограничных с ним районов Таиланда до сих пор считаются одной из неспокойных зон региона.

Пока активность каренского национального движения соответствовала интересам соседнего Таиланда, англичан и американцев, маячивших за спиной бангкокского правительства, оно рассматривалось как национально-освободительное, достойное не только сочувствия и заверений в моральной поддержке, но и вполне ощутимой материальной и военной помощи.

Изменения в политической ситуации в мире и регионе показали, что карены были лишь пешками в игре более крупных акторов мировой и региональной политики, когда же время использования их в качестве инструмента подошло к концу, они оказались предоставлены самим себе. И теперь перспективы независимого или автономного существования территорий, населенных каренами, зависят исключительно от них самих. Гораздо подлее США и Велико-

британия поступили с теми национальными движениями Бирмы, которые оказались вовлечены в производство и торговлю наркотиками.

Опиумные войны Шанских гор

Один из наиболее глухих уголков Индокитая и Азии в целом – горные районы на стыке границ Бирмы, Таиланда и Лаоса – во второй половине XX века получили мировую известность под названием «Золотой треугольник». Связано это имя с тем, что земли, на которых испокон веков культивировали опийный мак, начиная с 1950-х годов стали центром мирового экспорта опия-сырца, идущего на производство героина.

Название «Золотой треугольник» получило большую популярность в мировой прессе во второй половине XX века. Особенно роль «Золотого треугольника» возросла в связи с войной, которую вели в Индокитае США и их союзники. Сегодня уже почти никто не берется опровергать важное участие американских спецслужб в экспорте наркотиков из Индокитая. В «Золотом треугольнике» наркобизнес превратился в главный источник доходов самых разных категорий населения – от коррумпированных генералов и чиновников, полевых командиров всевозможных повстанческих армий и криминальных авторитетов до рядовых крестьян, выращивающих опийный мак.

Когда «треугольник» еще не был «золотым», он представлял собой достаточно закрытый горный регион, считавшийся отсталым даже по меркам других провинций Бирмы или Лаоса, не говоря уже о Таиланде. Здесь проживали десятки самых разных этносов и племен, говорящих на тибето-бирманских, тайских и мон-кхмерских языках.

Один из ключевых районов «Золотого треугольника» – Шанские горы, расположенные в Мьянме (Бирме), на границе с Таиландом. Крупнейшей народностью, проживающей в Шанских горах, являются шаны. Они говорят на одном из тайских языков и в лингвистическом отношении ближе к тайцам, чем к бирманцам. Шаны – достаточно многочисленный народ. Их численность – примерно 4—6 млн. человек, проживающих в Мьянме, а также в Китае, Таиланде и Лаосе. В Мьянме (Бирме), задумывавшейся как союз нескольких автономных государств национальных меньшинств (Бирманский Союз – прежнее название страны), существует Шанский национальный округ, в котором шаны составляют большинство населения.

Сегодня шаны проживают в Бирме (где составляют до 9% населения), Китае, Таиланде, Лаосе. Понятно, что, будучи самым крупным и многочисленным этносом, шаны во многом задавали политический климат региона. Вплоть до британской колонизации Бирмы они сохраняли реальную независимость своих горных княжеств, хотя формально и считались вассалами бирманской короны.

Пришедшие с севера на территорию Бирмы, шаны в Средние века создали здесь несколько феодальных княжеств. Когда Бирму колонизировали англичане, они поступили весьма разумно и оставили шанам внутреннее самоуправление, сохранив 33 феодальных княжества под управлением «саофа» – князей. В 1922 году земли, где проживали шаны и другой местный народ – ва, – объединились в Шанскую федерацию, которая затем вошла в состав Бирмы. Все 33 княжества, расположенных в Шанских горах, продолжили свое полунезависимое существование, в их внутренние дела британская администрация предпочитала не вмешиваться. Провозглашение независимости Бирмы было встречено шанской аристократией с явным неодобрением. Будучи одним из наиболее многочисленных и активных народов Бирмы, шаны всегда требовали для себя большей автономии.

Князьки почувствовали опасность для законсервированного на протяжении столетий миропорядка и потребовали от бирманских властей предоставления независимости Шанской Федерации. Естественно, что центральные власти в этом шанским предводителям отказали, после чего те перешли к активной фазе противостояния. Шанская аристократия при создании бирманского государства добилась юридического права через десять лет выйти из состава Бирмы и создать независимое государство Шан. Впрочем, среди широких масс шанского

населения такая позиция поддержки не встретила, что вызвало брожение и в самой области Шан. Лидеры шанских сепаратистских организаций, активизировавшихся после провозглашения независимости Бирмы, считали, что Шан вполне имеет право на независимость, так как до британской колонизации княжества шанов были суверенными государствами. Именно этот пункт – признание независимости Шана – и лег в основу идеологии многочисленных сепаратистских группировок, действующих в штате (национальном округе) Шан с конца 1940-х годов.

В 1952 г. центральные власти Бирмы приняли закон о создании в области Шан временной военной администрации, после чего в регион вошли части бирманских войск. Против них выступили отряды местных шанских князей, а также формирования многочисленных нешанских народов, живших в Шанских горах – палаунгов, ва, кокан. На помощь сепаратистским повстанческим группировкам пришли соединения китайского Гоминьдана, которые после победы в Китае коммунистов были вытеснены из Китая в Бирму и сосредоточили свое внимание на контроле за производством и продажей опия-сырца. Шанских феодалов и гоминьдановцев поддерживали американские спецслужбы, которые видели в них противовес расширению китайского и советского влияния в Юго-Восточной Азии. Появились шанские армии, сражающиеся с оружием в руках против правительственных войск Бирмы.

Пожалуй, в Шанских горах сопротивление бирманской армии оказалось наиболее ожесточенным. Это объяснялось тем, что за несколько послевоенных лет из обычного аграрного захолустья регион превратился в несколько непростую территорию, где главной сельскохозяйственной культурой стал опийный мак. Местные жители выращивали его столетиями и применяли в лечебных целях, но только в XX веке он стал экспортироваться за пределы региона в невероятных количествах. Этому способствовало вторжение на территорию Шанских гор остатков китайской Гоминьдановской армии, разгромленной в южных провинциях КНР Юньнань и Сычуань маоистской Народно-освободительной армией Китая.

Гоминьдановцы из 93-й дивизии, отступившей в Бирму и Таиланд, моментально сообразили, чем может прокормить их этот горный район. Благо потребление опиума было знакомо им еще по жизни в Китае. На местных крестьян наложили налог – опий-сырец, который затем вывозили в Бангкок и реализовывали по каналам китайской «триады» за рубеж. Война во Вьетнаме, перекинувшаяся и на соседний Лаос, стала началом активного присутствия в регионе Соединенных Штатов Америки. Озадачившись вопросом дестабилизации ситуации в потенциально «красном» Индокитае, американские спецслужбы обратили внимание на наркоторговлю как важнейший источник получения колоссальных денежных средств. Часть из этих средств шла на содержание многочисленных повстанческих армий в Бирме и Таиланде, но основная масса денег поступала в распоряжение подконтрольных ЦРУ структур.

Именно при помощи ЦРУ США было организовано регулярное воздушное сообщение между осколками гоминьдановской армии, отступившими в Бирму (а в них числилось к середине 1950-х годов до 12 тысяч солдат и офицеров) и островом Тайвань, где Гоминьдану удалось закрепиться у власти. Но если в Тайване Гоминьдану удалось создать дееспособное государство, которое вскоре стало одним из т.н. «азиатских тигров» и до сих пор демонстрирует высокий уровень развития экономики и технологий, то в Бирме и Таиланде гоминьдановцы стремительно криминализовались и превратились в наркоторговцев.

Используя труднодоступность Шанских гор и союзнические отношения с вождями шанских и других племенных формирований, которые, как мы знаем, уже воевали с бирманской властью, гоминьдановцы создали на территории «Золотого треугольника» уникальную зону, неподконтрольную ни бирманским, ни таиландским, ни лаосским властям. Единственной основой ее экономики и финансового благосостояния местных вождей стала наркоторговля.

На протяжении нескольких десятилетий американские и таиландские власти фактически покровительствовали производству и экспорту героина из «Золотого треугольника». Ведь

гоминьдановцы, которые играли одну из ключевых ролей в наркоторговле, рассматривались ЦРУ в качестве противовеса красному Китаю и, в целом, влиянию коммунизма в регионе. Поэтому, по понятным причинам, Таиланд, на территории которого, в Мейсалонге, базировались штабы гоминьдановской дивизии, закрывал глаза и на присутствие на территории страны незаконных вооруженных формирований, и на их деятельность, также идущую вразрез с законодательством.

Зато Бирма, на чью территориальную целостность в первую очередь посягали гоминьдановцы и связанные с ними шанские повстанцы, неоднократно пыталась взять Шанские горы под контроль. В конечном итоге не осталось иного пути, как разрешить подразделениям Народно-освободительной армии Китая зайти на территорию страны и выбить гоминьдановские подразделения за бирманскую границу – в соседний Таиланд. Таиландское руководство с присутствием гоминьдановцев смирилось. Тем более, что они оказывали реальную помощь в борьбе с партизанами из Коммунистической партии Таиланда, также оперировавшими в пограничных с Бирмой районах.

Однако изгнание за пределы Бирмы гоминьдановских войск не означало ни прекращения шанского вооруженного сопротивления, ни, разумеется, отказа местного населения от культивирования опийного мака. Наркоторговлю в регионе взяли под контроль боевики из Армии Мон-Тай, которой руководил знаменитый Кхун Са. Если большинство таких группировок и их лидеров известны только профессиональным историкам – специалистам по истории Бирмы, то имя Кхун Са в свое время прогремело на весь мир. Его называли едва ли не главным наркобароном планеты, сообщали о наличии у него личной армии, защищающей опиумные интересы этого неординарного человека. На самом деле, влияние Кхун Са, конечно же, сильно преувеличивалось. Он контролировал только часть «Золотого треугольника» и постоянно конкурировал с другими, не менее активными, повстанческими формированиями.

На самом деле, самый известный в мире борец за независимость Шана был только наполовину шаном. При рождении будущего полевого командира и наркобарона назвали Чжан Шифу, что не удивительно – его отец был китайцем, и только мать – шанкой. Но затем мать Чжан Шифу вышла вторым браком за шанского князя. После этого мальчика переименовали шанским именем Кхун Са, что в переводе означает «Процветающий». Как показала дальнейшая жизнь этого человека, такое имя вполне ему подходило. Судьба к Кхун Са была благосклонна. Для наркобарона и полевого командира, бывавшего в самых разных «передрягах», Кхун Са прожил долгую жизнь – 74 года. Он родился 17 февраля 1933 года и умер 26 октября 2007 года в своей постели – от диабета.

В молодости Кхун Са примкнул к одному из отошедших в Бирму отрядов Гоминьдана, но затем решил сформировать собственную армию. Однако в 1963 году тридцатилетний командующий пошел на сделку с центральными властями Бирмы и превратил свою армию в народную милицию «Ка Кве Йе», которая получила от правительственных войск оружие и деньги на борьбу с другими шанскими вооруженными формированиями. Но сотрудничество Кхун Са с властями Бирмы было непродолжительным. Судя по всему, молодой шанский лидер попросту решил кинуть своих патронов из Рангуна.

Кхун Са взял под контроль ряд районов в области Шан, где традиционно выращивали опийный мак. Шаны назвали опиум «черное лекарство», в выращивании опийного мака была задействована значительная часть шанских крестьян. Но именно Кхун Са превратил выращивание опийного мака в главный источник доходов шанского освободительного движения.

Главными конкурентами Кхун Са были его вчерашние сослуживцы по гоминьдановской дивизии. В 1967 г. противоречия Кхун Са с командованием гоминьдановцев вылились в открытый вооруженный конфликт, вошедший в историю как «Опиумная война в Индокитае». Сначала Кхун Са решил пересмотреть свои отношения с подпольными героиновыми заводами в Таиланде, после чего гоминьдановцы перекрыли дороги и попытались воспрепятствовать

действиям подручных Кхун Са. Тогда шанский лидер решил вывезти опий-сырец в Лаос, где также существовали подпольные героиновые заводы. Это и стало причиной трехстороннего столкновения между отрядами Кхун Са, бойцами Гоминьдана и лаосскими войсками под командованием генерала Раттикона.

Во время боев шанские войска Кхун Са потерпели серьезное поражение. Этим воспользовались власти Бирмы, которые в 1969 году арестовали шанского командующего. В заключении Кхун Са находился до 1973 года, пока его соратники не захватили заложников, которые были обменяны на наркобарона. Несмотря на то, что почти четыре года Кхун Са пришлось провести под арестом, он быстро вернулся в «большой наркобизнес» и стремительно восстановил свои позиции. Кхун Са создал Объединенную армию Государства Шан и обосновался на севере Таиланда, где продолжил контроль над выращиванием и экспортом опия-сырца. Заодно Кхун Са подчеркивал свою приверженность идее национального освобождения области Шан и ставил главной задачей подчиненной ему армии борьбу против бирманских правительственных войск – за национальное освобождение.

В 1985 году подконтрольная Кхун Са Шанская объединенная армия вступила в альянс с Революционным советом Таи, которым руководил Мон Хэнг – еще один полевой командир, имевший свои интересы в наркобизнесе. Так была создана новая военно-политическая организация – Армия Мон-Тай. Под контролем этой силы оказались обширные районы на стыке границ Бирмы и Таиланда. Армия Мон-Тай превратилась в самую сильную вооруженную организацию в «Золотом Треугольнике». Периодически бойцы Кхун Са воевали не только с бирманскими правительственными войсками и конкурентами из других повстанческих группировок, но и с войсками Таиланда, который пытался прекратить массовое производство наркотиков на своей территории. В конце концов, таиландским правительственным войскам удалось вытеснить людей Кхун Са с территории страны и уничтожить значительную часть плантаций опийного мака. Одновременно реализовывалась программа по переориентации крестьянских хозяйств Северного Таиланда на выращивание чая и каучука вместо опийного мака. Надо сказать, что определенный результат она действительно дала и масштабы производства наркотиков в стране значительно снизились. Кхун Са сосредоточил свою деятельность на территории более слабой Бирмы. К началу 1990-х годов численность Армии Мон-Тай достигла 20 000 бойцов.

Как и положено, в армии были введены военная форма, воинские звания. В 1993—1995 гг. Армия Мон-Тай вела постоянные бои с бирманскими правительственными войсками, а до 1996 года – и с Объединенной Армией Государства Ва, которая была главным конкурентом Армии Мон-Тай за влияние в регионе и контроль за наркобизнесом. Но одновременно в Армии Мон-Тай нарастали и внутренние противоречия. Средний и младший командный состав, представленный шанскими офицерами, был очень недоволен деятельностью китайской верхушки Армии Мон-Тай. Дело в том, что солдат и младших офицеров Кхун Са привлекал в свою армию, опираясь на шанский национализм. Но в действительности все националистические лозунги Кхун Са и его соратников оборачивались сплошной демагогией – руководители Армии Мон-Тай в большей степени интересовались торговлей наркотиками, превратившей их в миллионеров, чем созданием независимого шанского государства. Ослабление Армии Мон-Тай в результате временных противоречий привело к тому, что обширные районы вблизи бирманско-таиландской границы оказались под контролем Объединенной Армии Государства Ва. 7 июля 1995 г. свыше 8000 солдат и офицеров Армии Мон-Тай под командованием полковника Йод Кана отступили в селение Хсипау, которое превратилось в центр оппозиционной фракции шанских сепаратистов. Так появилась Шанская национальная армия, которая выразила желание провести с командованием правительственных войск Бирмы переговоры о прекращении огня.

Оппозиционеры обвинили Кхун Са в том, что все доходы от торговли наркотиками шли только ему и его ближайшему окружению, а рядовые шаны практически ничего от этого не получали, но их селения становились объектами нападений правительственных войск. Примечательно, что в свое время Кхун Са даже предлагал американскому правительству выкупить у него весь имеющийся опиум. Разумеется, руководство США не стало соглашаться с этим предложением шанского магната.

Тем временем, Кхун Са вышел на связь с бирманскими спецслужбами и «выторговал» для себя выгодные условия. Он прекращал вооруженную борьбу, а взамен бирманские власти гарантировали ему иммунитет от уголовного преследования. Вскоре люди Кхун Са сложили оружие. Сам Кхун Са не только был прощен бирманскими властями, но и получил возможность жить в столице Мьянмы Янгоне, где провел последнее десятилетие своей жизни в роскошном особняке.

В отличие от Кхун Са, более радикальные шанские националисты, создавшие несколько новых повстанческих группировок, продолжали вооруженную борьбу за создание независимого шанского государства. Одной из наиболее мощных повстанческих армий стала Шанская государственная армия – Юг, которой командовал полковник Йод Серк. К ней присоединились около 15 тысяч человек, в основном – шанских крестьян из горных деревень, которые больше всего пострадали от карательных операций бирманских правительственных войск. Кроме того, в Шанских горах были сформированы Шанская государственная армия – Север, Шанская национальная армия, Восточная армия Шан. Однако затем Восточная армия Шан и Шанская государственная армия – Север подписали перемирие с центральными властями Мьянмы. Вооруженное сопротивление оказывали только Шанская государственная армия – Юг и Национальная армия Шанского государства. Решающий удар по их позициям правительственные войска нанесли только весной 2005 года, заручившись поддержкой давних оппонентов шанов – Объединенной армии Государства Ва. В Мьянме прошли репрессии против шанских политических деятелей. Одновременно правительственные войска и вооруженные формирования Государства Ва атаковали позиции шанских повстанцев.

В конце концов, 21 мая 2005 г. командующий Шанской государственной армии – Юг полковник Йод Серк, позже произведший сам себя в генерал-лейтенанты, и командующий Национальной армии Шанского государства Сай Йи провели совместную пресс-конференцию, на которой объявили о воссоединении подконтрольных им вооруженных формирований для дальнейшей борьбы за создание независимого шанского государства. Судя по всему, объединение сил осталось для шанских националистов единственным возможным вариантом сохранения своих позиций в Шанских горах.

В конце 2008 г. был сформирован Государственный конгресс Шан под руководством Йод Серка. В его состав вошли не только шанские вооруженные организации, но и военно-политические организации национальных меньшинств Шана – Демократический союз лаху (лаху – тибето-бирманская народность в округе Шан), Национально-освободительная организация пао, Национальная организация Ва, Координационный комитет Таи, Совет по восстановлению Государства Шан. Столицей непризнанного Государства Шан сейчас является Лои Тайленг, где находится штаб-квартира Шанской государственной армии – Юг.

Сейчас шанские националисты заявляют, что наркоторговля осталась в прошлом. Но, на самом деле, в области Шан просто нет иного источника доходов, кроме выращивания и экспорта опийного мака. Это прекрасно понимают и сами лидеры шанских националистов. Но они связывают проблему наркобизнеса в регионе не столько со своими действиями, сколько с политикой правительства Мьянмы.

Государство Председателя Бао

Постоянным военным противником шанских подразделений на протяжении десятилетий были повстанцы народности ва. Соперничество повстанческих армий объясняется, во-первых, претензиями ва на собственную государственность в рамках части штата Шан, во-вторых – конкуренцией за поля опийного мака и рынок сбыта опия-сырца и, в-третьих, – идеологическими соображениями: если шаны издавна поддерживали контакты с гоминьдановцами, то ва долгое время оставались основной поддержкой бирманских коммунистов.

Фактически Государство Ва является независимым от центральных властей страны сепаратистским государственным образованием, но формально входит в состав Мьянмы в качестве самоуправляемого округа в штате Шан. Эту область населяет народ ва – один из аборигенных этносов Бирмы. Язык ва относится к группе палаунг австроазиатской языковой семье (вместе с монским и кхмерским языками, а также языками других многочисленных малых народов), но и на официальном уровне, и даже в бытовом общении современные ва все чаще прибегают к китайскому языку. В годы британской колонизации среди ва активно действовали христианские миссионеры, но большинство ва, несмотря на христианское и буддийское влияние, сохраняют приверженность традиционным анимистическим верованиям. Государство Председателя Бао. За что воюют люди ва и почему их поддерживает Китай

Воинственных ва англичане прозвали «охотниками за головами» – в честь древнего обычая, согласно которому статус мужчины в общества ва повышался в зависимости от того, сколько вражеских голов он отрезал в буквальном смысле. До конца установить контроль над труднодоступными лесистыми горами, где ютятся деревни ва, не смогли ни британские колонизаторы, ни власти независимой Бирмы (Мьянмы). В то же время, эта территория имела стратегическое значение как часть всемирно известного «Золотого треугольника» – с давних пор ва выращивали опийный мак, поэтому на доходы от его продажи повстанческие командиры вполне могли содержать свои вооруженные формирования.

Учитывая, что территория Ва примыкает к границе Мьянмы с Китаем, она с момента провозглашения независимости Бирмы находилась в сфере интересов Пекина. Китай оказывал поддержку действующей здесь Коммунистической партии Бирмы. Бирманская компартия с конца 1940-х годов вела вооруженную партизанскую войну против центрального правительства. Потерпев поражение от правительственных войск в Нижней и Центральной Бирме, коммунисты отступили на северо-восток, где надолго обосновались в районах, населенных народом ва. Труднодоступные горы облегчали возможность партизанских действий и коммунисты фактически получили контроль над целыми сельскими районами, населенными ва и некоторыми другими этническими группами. Молодежь из крестьянских семей ва стала главным источником пополнения рядового состава партизанских отрядов Коммунистической партии Бирмы. Материально-техническую и военную помощь коммунистам оказывал соседний Китай, благо Компартия Бирмы с 1960-х годов ориентировалась на идеи председателя Мао.

Однако в 1989 году, когда социалистический лагерь находился в кризисе, а Китай заметно снизил поддержку зарубежных повстанческих формирований, в том числе и в Бирме, в рядах Коммунистической партии Бирмы наметились внутренние противоречия. Они завершились расколом и конфликтом, в результате которого ряд высших руководителей компартии предпочли эмигрировать в Китай. От Коммунистической партии откололась самая внушительная часть – вооруженные формирования народа ва. 17 апреля 1989 года была официально создана Объединенная государственная армия ва. Ее командующим стал пятидесятилетний Чао Нги Лай (1939—2009), а «вторым лицом» в армии – сорокалетний Бао Юсян (род. 1949). Несмотря на то, что лидеры ва пошли на раскол с Компартией, они продолжали придерживаться коммунистических взглядов в их маоистском варианте.

9 мая 1989 года Объединенная государственная армия ва подписала с властями Бирмы соглашение о прекращении огня. Казалось, что пятидесятилетний конфликт центральных властей с коммунистическими партизанами, унесший тысячи жизней, наконец, закончился. Однако, уже в 1996 году боевики Объединенной государственной армии ва вступили в боевые действия с отрядами Армии Мон-Тай – шанской повстанческой группировки, которой руководил знаменитый наркобарон Кхун Са – бывший капитан гоминьдановской армии, создавший в «Золотом треугольнике» собственное вооруженное формирование и контролировавший значительную часть оборотов опийного мака в Бирме. В результате конфликта с Армией Мон-Тай, повстанцы ва взяли под контроль районы на бирманско-таиландской границе. В 2009 году разразилась новая фаза конфликта между Объединенной государственной армией ва и правительственными войсками Мьянмы (татмадау).

Боевые столкновения происходили в пограничной с Китаем области Коканг, населенной китаеязычной народностью кокан – бирманскими китайцами. Подконтрольные США правозащитные организации тогда обвинили Китай в поставках партизанской армии ва бронетехники и ракет класса «земля – воздух». Американские спецслужбы поспешили внести Объединенную государственную армию ва в список организаций, причастных к международному наркобизнесу. В Индокитае, кстати, практически все военно-политические группировки в той или иной степени причастны к наркобизнесу. Но на Объединенную государственную армию ва США давно «точит зубы» – ведь эта организация, после фактического распада Компартии Бирмы, является главным инструментом военно-политического влияния КНР в Мьянме.

В настоящее время Объединенная государственная армия ва насчитывает свыше 30 000 солдат и командиров. В состав армии входит пять дивизий, которые дислоцируются в джунглях на границе Мьянмы и Таиланда. Это: 778-я дивизия под командованием генерала Та Марна, 772-я дивизия генерала Та Нсонга, 775-я дивизия генерала Ян Чжойонга, 248-я дивизия генерала Та Хсанга и 518-я дивизия генерала Ли Хсарма. Кроме того, на границе Мьянмы с Китаем размещаются еще три соединения Объединенной государственной армии ва – 318-й дивизия, 418-я дивизия и 468-я дивизия. Вооруженные формирования ва комплектуются из крестьянской молодежи, благо рождаемость у горцев – ва очень высокая и у многих молодых людей в селениях просто не остается иного пути, как идти в вооруженные формирования, где хотя бы выдают оружие и гарантирована еда.

Американские эксперты называют Китай главным поставщиком оружия для Объединенной государственной армии ва. Впрочем, это практически не скрывают и сами руководители Ва. Так, известно, что Китай оказывает и финансовую, и техническую, и организационную помощь этому политическому образованию. В Объединенной государственной армии ва находятся китайские военные советники и инструкторы, которые обучают повстанцев обращению с современным оружием. В качестве официального языка используется китайский язык, а на территорию Государства Ва транслируется вещание китайских телеканалов. Внутренняя жизнь в Государстве Ва также устроена по образцу соседнего Китая, вплоть до копирования партийных и государственных титулов.

В декабре 2008 г. американская разведка сообщила, что в Государстве Ва открылась собственная линия производства АК-47. В 2012 году, по сообщениям американских разведчиков, Объединенная государственная армия ва приобрела китайскую бронетехнику и артиллерийские орудия (включая гаубицы и ПТУР), ракеты класса «земля – воздух», а в 2014 г. американские спецслужбы сообщили о том, что Объединенная государственная армия ва приобрела зенитно-ракетные комплексы китайского производства. Также Государство Ва обвиняют в том, что оно играет роль посредника между китайскими производителями оружия и многочисленными повстанческими группами Мьянмы. Командование ОГАВ закупает у китайской стороны оружие и перепродает его другим партизанским формированиям. Торговля оружием, таким

образом, является одним из главных источников доходов армии, наряду с контролем за производством и транспортировкой наркотиков.

Главной военной базой Объединенной государственной армии ва является Пангхан, где прежде базировались вооруженные формирования Коммунистической партии Бирмы. Пангхан – это город в штате Шан, который фактически является столицей Государства Ва. Несмотря на свою удаленность и провинциальность, в Пангхане очень развита «ночная жизнь», в особенности игорный бизнес, что делает его привлекательным для приезжих из других регионов, в особенности связанных с криминальным миром.

Еще в 2005 году территория Государства Ва была объявлена свободной от производства и продажи наркотиков. Но, разумеется, подобное заявление в большей степени носит демонстративный характер, чем отражает реальную ситуацию в этом отдаленном бирманском округе. Американские спецслужбы обвиняют Объединенную государственную армию ва в том, что она в настоящее время является крупнейшим производителем наркотиков в Индокитае. Утверждается, что в 2000-е годы, следуя за изменениями рынка, повстанцы ва организовали многочисленные лаборатории по производству метамфетамина. В свою очередь, лидеры ва отрицают эти обвинения и утверждают, что их народ намеренно использовали в интересах производства опийного мака власти Мьянмы и даже руководители Коммунистической партии Бирмы.

В настоящее время Государство Ва занимает территорию особого административного района Ва на востоке штата Шан и имеет население численностью около 560 тысяч человек. Большинство политических лидеров этого государства относятся к народу ва. Населенная ва территория – это высокие горы с глубокими долинами. Самые низкие точки региона находятся на высоте в 600 метров над уровнем моря, а самые высокие – более 3000 метров над уровнем моря. Специфика климатических условий и ландшафта местности обусловила выход на первое место в качестве основной сельскохозяйственной культуры ва опийного мака. Лишь в последние годы руководство Государства Ва, понимая, что в современных условиях практически открытое производство наркотиков – залог негативного отношения со стороны всего цивилизованного мира, приступило к постепенному сворачиванию наркопроизводства, по крайней мере, в его открытом сегменте. С помощью соседнего Китая, Государство Ва пытается переориентировать местных крестьян с выращивания опийного мака на выращивание каучука и чая.

С 1996 года бессменным политическим лидером Государства Ва и председателем ЦК Объединенной государственной партии ва является Бао Юсян. Подчиненные уважительно называют его «Председатель Бао» – сложно не углядеть здесь подражание Мао Цзэдуну, который до сих пор пользуется огромным уважением повстанцев ва. Бао Юсян родился в 1949 году в семье вождя селения народности ва Кунма, что в районе Гавинг Ланг, в северной части бирманского штата Шан. Семья отца будущего повстанческого командира была многодетной – восемь детей, что, впрочем, вполне типично для бирманских горцев.

В двадцатилетнем возрасте, в 1969 году, Бао Юсян присоединился к повстанческой группе, входившей в вооруженное крыло Коммунистической партии Бирмы. Вскоре, как сын вождя и способный молодой человек, он был назначен командиром батальона, дислоцировавшегося в родном селении Кунма. Затем Бао Юсяна повысили до командира бригады, размещавшейся на таиландско-бирманской границе. В те годы Бао Юсян был вдохновлен примером партизан Вьетконга, сражавшихся в Южном Вьетнаме против южновьетнамских и американских войск.

Когда в 1989 году в руководстве Коммунистической партии Бирмы начался раскол, Бао Юсян стал одним из лидеров внутрипартийного мятежа, предпринятого отрядами повстанцев ва. После распада Коммунистической партии Бирмы Бао Юсян вступил в ряды Объединенной государственной армии ва и стал одним из ближайших помощников ее командующего Чжао Нги Лая. Когда в 1995 году Чжао Нги Лай перенес инсульт и более не смог выполнять функции командующего и руководителя самопровозглашенного государства, Бао Юсян был избран

новым председателем и командующим Объединенной государственной армии ва. В 2005 году на посту командующего армией Бао Юсяна заменил его брат Бао Юи, но Бао Юсян остался на посту президента Государства Ва, сохраняя в своих руках всю полноту политической власти на территории этого самопровозглашенного государственного образования.

На протяжении более чем двадцатилетнего пребывания во главе повстанческого движения ва, Бао Юсян постоянно обращался к правительству Мьянмы с требованием предоставить более широкую автономию для этнических меньшинств страны. В обмен лидер повстанцев предлагал обеспечить прекращение огня со стороны контролируемых им партизанских формирований и приступить к переговорам с целью заключения мирного соглашения. Одновременно, несмотря на имеющиеся противоречия и даже периодически случающиеся вооруженные конфликты, Объединенная государственная армия ва часто выступала в качестве союзника правительственных войск Мьянмы в борьбе с Шанской национальной милицией – вооруженными формированиями сепаратистов народности шан. В 2013 году мирный договор между центральным правительством Мьянмы и руководством Государства Ва наконец был подписан. Однако это не означало ликвидации вооруженных формирований и установления контроля Янгона над территориями компактного проживания народа ва. Государство Ва продолжает оставаться фактически независимым от властей Мьянмы. Официально руководители Государства Ва признают суверенитет центрального правительства Мьянмы над всей территорией страны, но самоуправляемый район Ва живет в соответствии со своим укладом и во внутренних вопросах практически независим от центральных властей.

Стремясь положить конец выращиванию опийного мака, бирманское правительство при поддержке международных организаций реализует в регионах проживания горных народов программы, направленные на переселение горцев в долины, вытеснение маковых полей плантациями чая и т. д. Гуманитарная помощь в обмен на отказ от производства опия-сырца – такова нынче официальная стратегия мирового сообщества во взаимоотношениях с повстанческими движениями Шанских гор. Другое дело – собираются ли последние в действительности, а не на словах, соблюдать достигаемые договоренности. Здесь очень много зависит как от самих повстанцев, так и от тех сил, которые продолжают использовать их в своих интересах.

Очевидно, что крестьяне Шанских гор, в силу своей экономической отсталости и исторических традиций хозяйствования, выращивающие опийный мак, стали заложниками серьезных политических игр, начатых великими державами еще в середине минувшего столетия. Соединенные Штаты Америки, пытаясь противопоставить коммунистической экспансии в Индокитае повстанческие армии национальных меньшинств и гоминьдановцев, фактически создали «Золотой треугольник» как один из центров мировой наркоторговли и спровоцировали многочисленные кровопролитные войны на территории региона, жертвами которых стали многие тысячи мирных жителей.

Война в «Нефритовом государстве»

Качины – один из самых известных за пределами Бирмы малых народов этой страны. На протяжении столетий качины, или как их еще называют, цзинпо, переселялись в верховья Иравади с территории современного Тибета. Воинственные горцы, качины занимали труднодоступные районы и всегда отчаянно сопротивлялись любым попыткам их покорения. Бирманские цари предпочитали не враждовать с качинами, а привлекать их на военную службу. В горном Качине издавна добывался нефрит, что делало этот регион очень значимым в экономическом отношении. За нефритом в Качин прибывали покупатели из соседних Китая и Сиама.

Когда Бирма попала в колониальную зависимость от Великобритании, британцы переняли опыт бирманских царей и стали использовать горные племена северных районов в своих интересах. К качинам, как и к их соседям – чинам, устремились протестантские проповедники. В результате, значительная часть качинов была христианизирована, пусть и поверхностно. Многие качины остались приверженцами традиционных верований, некоторая часть сохраняла верность буддизму. В годы Второй мировой войны британское военное командование стало создавать из качинов специальные отряды «качинских коммандос», которые использовались для разведывательно-диверсионных операций против японских оккупантов. Поскольку качины всегда славились как превосходные воины, а в знании гор и джунглей им не было равных, со службой на британское командование они справлялись отлично. Перед провозглашением независимости Бирмы британцы пообещали качинам, как и некоторым другим народам региона, предоставление независимости. Однако, долгожданный суверенитет этот горный народ так и не получил. Тем не менее, центральным властям Бирмы удалось договориться с вождями качинов – последние согласились поддержать Рангун в обмен на признание незыблемости их феодальной власти в населенных качинскими племенами районах. Был образован отдельный штат Качин, вошедший в состав бирманского государства.

Некоторое время качины были союзниками центральных властей страны в гражданской войне, которая полыхала на землях Бирмы в 1940-е – 1950-е годы. На стороне центрального правительства воевали около 20 тысяч качинов, направленных своими вождями в ополчение. Кроме того, качинские батальоны коммандос входили в состав регулярной бирманской армии. Однако затем качинские лидеры постепенно перешли в оппозицию центральным властям Бирмы. Этому способствовало ужесточение политического режима в стране, предпринятое пришедшим к власти в 1962 году генералом Не Вином. Режим Не Вина нанес ряд серьезных ударов по коммунистическим повстанцам и по каренским сепаратистам. Судя по всему, в Рангуне, воодушевившись победами, решили не считаться и с прежними союзниками – качинами.

Следует отметить, что часть качинских националистов перешла в оппозицию центральному режиму намного раньше прихода к власти Не Вина. Так, еще в 1949 году капитан Хай Сенг, служивший в Качинском батальоне, перешел на антиправительственные позиции и вскоре ушел в подполье. С ним вышел на контакт молодой человек по имени Дау Сенг, учившийся в государственной средней школе в Лашо. Когда в 1951 г. Хай Сенг скрылся на китайской территории, где получил убежище от преследований бирманских властей, Дау Сенг продолжил организовывать антиправительственные группы в северной части штата Шан, где также проживали качины. На связь с Дай Сенгом вышел некто Ламунг Ту Джай, уволенный в звании ефрейтора из Качинского батальона. В 1960 г. была создана Качинская организация независимости. Дау Сенг стал в ней руководителем аппарата, а Ту Джай – заместителем руководителя. После того, как оппозиционеры приобрели оружие и боеприпасы, было образовано вооруженное крыло Качинской организации независимости из 27 боевиков – Качинская армия независимости.

5 февраля 1960 г. Качинская организация независимости провела свой первый рейд, напав на один из банков. Группа молодых качинов во главе с Дау Сенгом и Ту Джаем перешла на нелегальное положение и приступила к началу вооруженной борьбы против бирманского правительства. 5 февраля 1961 г. было официально объявлено о создании Качинской организации независимости. Ее главнокомандующим стал Дау Сенг. В десяти милях к востоку от качинской деревни Син Ли на севере штата Шан, был создан военный тренировочный лагерь Качинской организации независимости. Первая группа повстанцев начала подготовку 16 марта 1961 года. Вскоре были сформированы два батальона повстанческой армии – первый батальон в Монбаре в Бамо и второй батальон в Мон Хтан. Росту численности бойцов качинского сопротивления способствовало провозглашение буддизма государственной религией Бирмы. Поскольку большинство качинов исповедует христианство, такое решение центрального правительства не могло прийтись им по нраву. В Качинскую организацию независимости стало вступать все больше и больше людей – как учащаяся молодежь, так и крестьяне. К 1963 году Качинская армия независимости уже состояла из 1 бригады и 6 батальонов и насчитывала 1000 бойцов. В районе Лашо – Куткай размещалось около 300 боевиков организации, еще 380 боевиков находились в Бамо и Мьичине.

Качинская организация независимости требовала от центрального правительства предоставить автономию этническим группам, установить частный суверенитет, не вмешиваться во внутренние дела качинского народа, и только после реализации этих требований заключить договор о дружбе между Рангуном и штатом Качин. В 1964 г. была сформирована вторая бригада Качинской армии независимости.

Однако, в том же 1964 году качины потерпели серьезное поражение от бирманских правительственных войск. В результате боевых действий 377 качинских боевиков погибли, 696 человек получили ранения и еще 2223 боевика были арестованы правительственными силами. Для того, чтобы обеспечить организацию финансовыми средствами, Дау Сенг выехал в соседний Таиланд, где постарался заручиться поддержкой таиландских спецслужб. Основным источником финансовых поступлений организации к этому времени стали торговля наркотиками и нелегальные добыча и экспорт нефрита, которым были богаты горные районы Качина.

В начале 1966 г. бирманское правительство было вынуждено вывести из Качина часть своих войск и перебросить их для участия в боевых действиях против Коммунистической партии Бирмы. Благодаря этому качинские повстанцы получили возможность реорганизоваться и восстановить силы. Однако Качинская организация независимости столкнулась с новой проблемой – проживавшие в регионе национальные меньшинства лису, лаши и мару не были согласны с тактикой качинской борьбы за независимость, прежде всего потому, что их представители не были включены в руководство повстанческого движения. Серьезные противоречия существовали у качинских повстанцев и с Коммунистической партией Бирмы, активизировавшейся в северных районах штата Шан. Тем не менее, как и бирманские коммунисты, качины смогли заручиться поддержкой китайского правительства. Китайские инструкторы занялись подготовкой качинских повстанцев. Оружие поставлялось из Таиланда – в обмен на нефрит, доставляемый качинскими контрабандистами. К концу 1976 г. Качинская армия независимости уже включала в свой состав 9 полков численностью около 1750 человек в штате Качин и еще 500 боевиков в штате Шан. Политическая концепция Качинской организации независимости в это время основывалась на качинском национализме, хотя руководители организации, с целью получения военной и финансовой помощи от Китая, декларировали симпатии к коммунистическому движению. Часть качинов стала сотрудничать с Коммунистической партией Бирмы, хотя большинство участников качинского национально-освободительного движения скорее относились к коммунистам как к противникам.

Руководители качинского движения большое внимание уделяли развитию внешних связей, пытаясь наладить сотрудничество со всеми, как им казалось, заинтересованными в ослаблении Бирмы сторонами. Так, в 1970 г. были установлены контакты с Организацией молодежи ракхайн, затем – с повстанцами мизо и нага в соседней Индии. В то же время, когда Коммунистическая партия Бирмы активизировалась в населенных качинами регионах, руководители Качинской армии независимости отправили делегатов к командованию бирманскими правительственными войсками, чтобы заручиться их поддержкой для противостояния с коммунистами. Одновременно качинские лидеры пытались заручиться поддержкой национальных меньшинств региона – мизо, нага, палаунгов. Так, 2 июня 1973 г. был подписан договор с повстанцами нага о прохождении последними подготовки в пограничных районах Индии и Бирмы. В штате Шан качины активно сотрудничали с повстанческими группами народов палаунг и па-о. Штаб-квартира Качинской армии независимости к этому времени находилась на территории Таиланда.

На протяжении двадцати лет территория Качина фактически была независима от центральных властей Бирмы. Экономика региона держалась на торговле опиумом и марихуаной и экспорте нефрита. Свою роль в сохранении этой ситуации играл Китай, которому было выгодно ослабить Бирму и утвердить свое влияние в регионе.

В 1994 г. было подписано соглашение о прекращении огня между бирманскими правительственными войсками и Качинской армией независимости. Тем не менее, качинские лидеры не собирались разоружать и распускать свою армию. Они продолжали набор солдат и их подготовку в тренировочных лагерях. Несмотря на сохранение режима прекращения огня, периодически вспыхивают новые вооруженные конфликты между качинскими повстанцами и центральной властью. Так, в 2010 г. правительство Мьянмы потребовало от качинского командования разоружить подчиненные вооруженные силы, так как согласно бирманской конституции в стране существует только одна армия. Однако, начальник штаба Качинской армии независимости генерал Гам Шаванг Гунхтанг отказался удовлетворять эти требования как неприемлемые для качинского народа.

9 июня 2011 г. правительственные войска Бирмы нарушили режим прекращения огня и атаковали позиции Качинской армии независимости. Эти действия центрального правительства привели к новой эскалации конфликта в штате Качин. В 2012 г. вдоль трассы Мьичин – Бамо произошли крупные столкновения между правительственными войсками и силами Качинской армии независимости. В декабре 2012 и январе 2013 гг. бирманские правительственные войска были вынуждены использовать против качинских боевиков авиацию и артиллерию.

В июне 2014 г. качинские боевики захватили две гидроэлектростанции и взяли в заложники шесть бирманских солдат и несколько китайских работников. В результате штурма, предпринятого правительственными войсками, погибли 6 человек. 19 ноября 2014 г. бирманские правительственные войска совершили нападение на штаб-квартиру Качинской армии независимости в районе Лайза, в результате которого погибли 22 повстанца.

Качинская организация независимости пытается привлечь внимание мировой общественности к ситуации, сложившейся в штате Качин. По словам ее представителей, действия бирманских правительственных войск несут разрушительные последствия для качинского народа. В результате авианалетов и артиллерийских обстрелов не менее 100 тысяч мирных жителей были вынуждены стать беженцами. Сотни людей погибли. В свою очередь, мировые правозащитные организации обвиняют и бирманское командование, и руководителей качинского национального движения в многочисленных нарушениях прав человека, в том числе – в использовании детей – солдат. Действительно, в горной Бирме давно практикуется мобилизация на военную службу несовершеннолетних, можно встретить даже десятилетних солдат.

Причем не только повстанческие отряды, но и правительственные войска не отказываются от использования юных автоматчиков в боевых операциях.

Следует отметить, что сельское население – качины и представители других этнических групп штата, – также оказывают вооруженное сопротивление правительственным войскам, так как заинтересованы в сохранении своего основного источника дохода – плантаций опийного мака. В Качине очень большая часть населения вовлечена в производство и торговлю наркотиками, поэтому жесткий курс на борьбу с наркобизнесом, который сейчас провозглашает бирманское правительство, в этом регионе неизбежно сталкивается с противодействием местных жителей. Единственный возможный путь – предоставление альтернативных источников дохода для качинских крестьян, однако пока центральные власти не уделяют этому направлению серьезного внимания. Недовольство качинов вызывает и плохо скрываемое стремление центральных властей поставить под контроль добычу нефрита в регионе, что также неизбежно скажется на благосостоянии местного населения.

Поэтому председатель Качинской организации независимости генерал Заунг Хра, выступая на торжественном мероприятии в честь 56-летия качинского национально-освободительного движения, оценил шансы на установление мира в регионе весьма пессимистично. По словам генерала, центральная власть стремится подавить качинское сопротивление исключительно силовым путем, добившись разоружения и демобилизации качинских военизированных формирований, а это ни к чему хорошему привести не может.

Судя по всему, качинский конфликт, как и другие вооруженные конфликты на территории Мьянмы, вряд ли когда-нибудь прекратится. Контроль за нефритовыми рудниками и плантациями опийного мака сулит слишком большие деньги, чтобы качинские полевые командиры нашли в себе силы от них отказаться. С другой стороны, бирманское правительство упорно не желает идти на уступки национальным движениям, не учитывая, что те же качины – это отдельный народ, отличный от бирманцев и имеющий точно такое же право на жизнь в собственном автономном или независимом государстве.

Часть 2. ОТ ГИМАЛАЕВ ДО ЦЕЙЛОНА

Наследники Мао в Непале и Бутане

Гималаи ассоциируются с альпинизмом и с буддистскими и индуистскими священными местами. Для многих отечественных и западных любителей Востока, интересующихся индийскими религиями и культурой, расположенные в Гималаях индийские штаты, а также суверенные государства Непал и Бутан, представляют собой очень привлекательные цели для путешествий. Многие вообще стремятся переехать туда жить или, по крайней мере, находятся там достаточно продолжительное время в течение года.

Между тем, не стоит забывать и о сложной военно-политической ситуации, которая наблюдается в этом регионе. Ведь Гималаи – это, своего рода, естественная граница между двумя крупнейшими по численности населения странами мира – Китаем и Индией. Здесь сталкиваются интересы не только этих азиатских держав, но и США, Великобритании, Пакистана. Поэтому на протяжении многих десятилетий политическая ситуация в Гималайских горах не отличается стабильностью. Откровенно говоря – здесь идет вялотекущая война многочисленных и крайне разных в идеологическом отношении военно-политических организаций против правительственных войск Индии, Непала, Бутана.

Поскольку Гималайский пояс – регион крайне сложный и неоднородный в этническом и конфессиональном отношении, можно выделить в нем как минимум две основные зоны военно-политических конфликтов. Во-первых, это западная часть Гималайского пояса, где сталкиваются интересы Индии и Пакистана и где многие десятилетия действуют исламские радикальные организации. Во-вторых, это восточная часть Гималаев, где в качестве основных субъектов вооруженных конфликтов с индийскими и бутанскими правительственными войсками выступают сохраняющие влияние в регионе радикальные коммунистические партии, прежде всего маоистского толка, а также этносепаратистские армии и фронты многочисленных национальных меньшинств индийских штатов.

Надо сказать, что в отличие от многих других регионов планеты, где также идут гражданские войны, в Гималайском регионе они порой приводят к очевидному успеху. Так, в Непале – древней стране с уникальной культурой – вооруженное сопротивление маоистов в сочетании с активизацией мирных протестов, в конечном итоге привело к падению монархии и фактическому приходу коммунистических сил к власти в стране. Для современного мира это тем более уникальный феномен, что после распада Советского Союза и «социалистического лагеря», коммунисты еще нигде не приходили к власти посредством революции.

Дестабилизация ситуации в Непале в конце 1990-х – начале 2000-х гг. во многом была связана с курсом королевского правительства страны. В Непале фактически продолжала существовать кастовая система, наблюдалась чудовищная эксплуатация бедной части населения, рост которого существенно превышал возможности экономики страны в плане обеспечения молодых непальцев рабочими местами и достойной заработной платой. Вся полнота власти в стране находилась в руках высших индуистских каст – бахунов (брахманов) и чхетри (кшатриев). Поскольку практически все они были выходцами из этнической группы кхасов и составляли вместе лишь 30% населения страны, можно говорить о существовании в королевском Непале своеобразной кастовой этнократии. В ее рамках широкие слои населения, не относившиеся к высшим индуистским кастам, оказались изолированными от участия в управлении страной и, более того, фактически лишенными тех прав и свобод личности, которые в развитых странах давно признаются фундаментальными.

Нищета и бесправие толкали многих непальцев в ряды радикальной оппозиции, представленной в этой стране несколькими коммунистическими партиями. Наиболее непримиримые позиции здесь занимала Коммунистическая партия Непала (маоистская), возникшая в 1994 г. и опиравшаяся на поддержку наиболее угнетенных частей населения – низших каст и национальных меньшинств, не обладающих реальными политическими правами. При этом, хотя руководители маоистов сами могли быть выходцами из каст бахунов или чхетри, основная масса рядовых участников маоистского движения состояла из представителей угнетаемых горных этносов и низших каст.

Гражданская война в Непале продолжалась десять лет, с 1996 по 2006 гг. Коммунистическая партия Непала (маоистская), руководившая повстанцами, смогла взять под контроль целый ряд труднодоступных районов страны, фактически установив собственную власть во многих населенных пунктах. Полиции справиться с конфликтом не удавалось, что повлекло за собой вступление в боевые действия непальской армии. Разразилась самая настоящая война, вследствие которой погибло, по меньшей мере, 11—12 тысяч человек.

Естественно, что поддержку королевскому правительству оказывала соседняя Индия и Соединенные Штаты. В свою очередь маоисты пользовались организационной помощью своих индийских единомышленников – «наксалитов», которые еще с 1960-х годов ведут гражданскую «народную войну» в ряде штатов Индии. В 2001 г. был создан Координационный комитет маоистских организаций в Южной Азии, ставящий своей целью консолидацию действующих на территории Индии, Непала, Бангладеш и других государств региона маоистских коммунистических организаций, значительная часть которых вооружена и давно ведет боевые действия против правительств своих стран.

Как ни странно, но даже при учете индийской и американской военной и экономической помощи, непальскому королевскому правительству не удалось подавить сопротивление маоистов и к 2005 году в руки последних перешла значительная часть территории страны. При этом правительство вело себя достаточно глупо, отказываясь от переговоров с «террористами». В этой связи интересна позиция соседнего Китая. Хотя в самой КНР уже очень давно произошел отказ от радикальной фразеологии маоизма и Китай не оказывает официальной прямой поддержки маоистским формированиям в Юго-Восточной и Южной Азии, тем не менее, его влияние в регионах деятельности маоистских повстанцев усиливается. Во многом, именно благодаря маоистам Индия остается ослабленной страной, разъедаемой гражданскими войнами в южных и восточных штатах. Что очень выгодно соседнему Китаю.

Весной 2006 г. стало ясно, что королевское правительство Непала не в состоянии нормализовать ситуацию в стране. В столице Катманду прошли массовые демонстрации, одновременно усилилось давление на короля со стороны парламента Непала. В результате король был вынужден отречься от престола, а маоисты получили места в правительстве и возможность включить формирования Народно-освободительной армии в состав вооруженных сил страны. Лидер маоистской компартии товарищ Прачанда некоторое время даже занимал пост премьер-министра страны. Показательно, что Прачанду на премьерском посту сменил лидер более умеренной Коммунистической партии Непала (объединенной марксистско-ленинской) Джала Натх Кханал, преемником которого, в свою очередь, стал маоист и соратник Прачанды Бабурам Бхаттараи. Таким образом, фактически в Непале произошла революция, в значительной степени трансформировавшая основы общественного устройства страны и положившая конец вековым монархическим традициям.

В то же время, поскольку современное республиканское правительство в Непале представлено не только маоистами, но и представителями умеренной Компартии (объединенной марксистско-ленинской) и центристского Непальского конгресса, вопрос о дальнейших преобразованиях в жизни страны остается открытым. Не исключено и повторное вооруженное столкновение, особенно в том случае, если не будет достигнут компромисс по вопросу федера-

лизации страны. Ведь программа федерализации, предложенная маоистами, предусматривает формирование национальных автономий, которые смогли бы повлиять на улучшение положения многочисленных национальных меньшинств страны.

В июле 2012 г. в маоистской компартии, которая к этому времени, с 2009 г., носила название Объединенной компартии (маоистской), произошел раскол. Выделившаяся ультрарадикальная часть вернула прежнее название Компартии Непала (маоистской) и обвинила вождей ОКПН (м) Бабурама Бхаттараи и Прачанду в предательстве интересов революции. Радикальной частью непальских маоистов поставлен вопрос о продолжении «народной войны» и революции с целью достижения таких задач как реальное вовлечение беднейших слоев населения страны в управленческий процесс, создание этнических автономий и федерализация государства, распространение маоистской «народной войны» на соседние Индию и Бутан. Следует отметить, что только в первые дни существования левой КПН (м) удалось вывести из ОКПН (м) более 3500 активистов. Масштабы «полевения» непальских маоистов позволяют предсказывать очевидную угрозу возможности дальнейших вооруженных конфликтов, только уже с участием радикальных маоистов против более умеренной части непальского коммунистического движения.

Но если в Непале маоистской компартии все же удалось повлиять на ход политического развития страны и свергнуть короля, то в соседнем королевстве Бутан гражданская война продолжается до сих пор. В туристических справочниках Бутан позиционируется как уникальная страна, до сих пор сохраняющая едва ли не в незыблемом состоянии традиционный колорит тибетско-гималайской буддистской монархии.

Однако не следует забывать, что этот колорит в то же время держится и на консервации феодальных порядков, вряд ли уместных в XXI веке. Тем более, в контексте общемировых процессов, которые в той или иной степени затрагивают и Бутан. Так, королевство давно потеряло моноэтничный характер. В стране проживает значительное количество мигрантов из соседних индийских штатов и Непала. Если у коренной народности бхотия молодой король Джигме Кхесар Намгъял Вангчук действительно пользуется несомненным авторитетом, то вряд ли чужие в этнокультурном отношении мигранты чувствуют его своим лидером. А ведь мигранты из Непала составляют не менее 35% населения страны.

В 2001 году была создана Коммунистическая партия Бутана (марксистско-ленинско-маоистская), которая состоит преимущественно как раз из непальских беженцев и переселенцев и вдохновляется опытом непальской «народной войны» и революции. Помимо маоизма, в основе идеологии партии – антииндийская позиция. Маоисты обвиняют Индию в стремлении аннексировать Бутан по образцу соседнего княжества Сикким. Княжество еще в 1947 г., после ухода из региона Британской империи, отказалось войти в состав Индии и осталось индийским протекторатом. Однако в 1975 г. подразделения индийской армии разоружили охрану чогъяла (правителя) Сиккима, захватили его резиденцию в Гангтоке, после чего Сикким был включен в состав Индии на правах штата.

Соседний Китай вплоть до 2003 года отказывался признать вхождение Сиккима в состав Индии и на китайских картах княжество изображалось в качестве суверенного государства. Ситуация изменилась вследствие фактического признания Индией китайской власти в Тибетском автономном районе, после чего КНР закрыла глаза на аннексию Сиккима. На официальном уровне, разумеется. В действительности Китай по-прежнему стремится к минимизации индийского влияния в Гималайском регионе и, в значительной степени, к дестабилизации политической ситуации в пограничных индийских штатах и буферных государствах вроде Непала или Бутана.

Бутанские маоисты, вдохновленные сценарием непальской революции, также призывают к свержению королевской династии Вангчуков и выступают за демократизацию политической жизни страны, в том числе и в сфере этнической политики. Ведь возникший конфликт между

правительством и маоистами во многом имеет этническую подоплеку – возникновение маоистской компартии стало одной из ответных реакций непальских мигрантов на меры бутанской короны по ограничению потока мигрантов в страну и выселению значительной части мигрантов обратно в Восточный Непал, в лагеря беженцев ООН. Именно в лагерях беженцев в Западной Бенгалии, Ассаме, Сиккиме и Непале осуществляется вербовка активистов партии.

С другой стороны, маоисты стремятся заручиться поддержкой второй по численности после бхотия коренной этнической группы шарчоб, которая населяет Восточный Бутан и пользуется меньшими правами по сравнению с правящими в стране бхотия. Именно с районов, населенных шарчоб, а также с северных округов Ташиганг, Монгар и Янгцзе, которые в силу труднодоступности плохо контролируются центральной властью, бутанские маоисты планируют начать свою «народную войну» против королевского правительства.

Создав собственные вооруженные формирования под названием «Армия бутанских тигров», маоистская Компартия перешла к организации террористических актов и нападений на полицейских и военнослужащих бутанской армии. Партия также развернула тесное сотрудничество с индийскими маоистами и вооруженными сепаратистскими организациями в Ассаме и других штатах Северо-Восточной Индии, прежде всего – с Объединенным фронтом освобождения Ассама и Национальным демократическим фронтом Бодоленда.

В свою очередь, королевское правительство, опасаясь развития событий по непальскому сценарию, ориентируется на активное использование индийской военной помощи, причем не только в поставках вооружения, но и в непосредственном участии индийских подразделений в борьбе с повстанцами. Поскольку Бутан со всех сторон окружен штатами Индии, последней не остается ничего другого, как вмешаться в ситуацию в стране и не допустить ее дестабилизации. Ведь плохо контролируемая ситуация в Бутане повлечет за собой эскалацию действий сепаратистов в пограничных индийских штатах.

Поскольку бутанские вооруженные силы, состоящие из королевской армии, королевской полиции и корпуса королевских телохранителей, малочисленны и слабы в плане вооружения, Индия берет на себя частичные гарантии по поддержанию обороноспособности Бутана. А это значит, что она обязана будет вмешаться в военно-политическую ситуацию в стране в случае дальнейшего ее обострения. Прежде всего это касается использования ВВС Индии в борьбе против повстанцев, поскольку между Бутаном и Индией существуют соглашения, позволяющие королевскому правительству опираться на поддержку Восточного командования Военно-воздушных сил Индии.

В свою очередь, бутанские вооруженные силы регулярно принимают участие в операциях индийских сил безопасности против орудующих в пограничных районах сепаратистов, прежде всего против Объединенного фронта освобождения Ассама. Не следует также и забывать о том, что подготовка офицерского состава королевской бутанской армии и королевских телохранителей осуществляется в индийских высших военных учебных заведениях, что предполагает и утверждение среди бутанских военнослужащих соответствующих представлений о боевом сотрудничестве с Индией и о соблюдении индийских интересов в регионе.

Таким образом, очевидно, что политическая ситуация в Гималайском регионе во многом развивается под влиянием противоречий ключевых держав Азии – Китая и Индии. Сложно преуменьшать вероятность дальнейшей активизации вооруженного сопротивления маоистских повстанцев, прежде всего в Бутане и Северо-Восточной Индии, а также в Непале – в случае усугубления противоречий между радикальным крылом маоистского движения и его более умеренными лидерами, стремящимися к мирному строительству непальской республиканской государственности. В любом случае, вряд ли возможно говорить о каком-либо окончательном урегулировании ситуации в обозримом будущем.

Красный марш наксалитов

Долгое время идейные наследники Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна – индийские маоисты ведут гражданскую войну на территории Индии. Внушительная часть Индостана, от крайнего юга и на северо-восток, вплоть до границы с Бангладеш, даже получила в мировой политической литературе название «Красный коридор». Ведь именно здесь, на территории штатов Карнатака, Андхра-Прадеш, Орисса, Чхаттисгарх, Джаркханд, Западная Бенгалия, многие годы ведут повстанческую борьбу так называемые «наксалиты».

Наксалитами партизан-маоистов прозвали по названию деревни Наксалбари, где еще в 1967 году вспыхнуло вооруженное восстание коммунистов из радикального крыла Коммунистической партии Индии (марксистской) против центральной власти. Деревня Наксалбари находится в штате Западная Бенгалия, недалеко от индийско-непальской границе. По иронии судьбы, по ту сторону границы, в Непале, где в 1967 году о маоистах практически не знали, в конечном итоге маоистской компартии удалось свергнуть королевский режим. В самой Индии маоисты ведут гражданскую войну до сих пор. При этом деревня Наксалбари считается местом паломничества радикалов со всего Индостана. Ведь именно с Наксалбари началась история и индийского «Красного коридора», и боевых действий, прозванных маоистами «Народной войной», и Коммунистической партии Индии (марксистско-ленинской), которая явила собой «альма матер» всего индийского маоистского движения.

Хотя лидер восстания наксалитов легендарный коммунист Чару Мазумдар (1918—1972) при загадочных обстоятельствах скончался в полицейском участке вскоре после своего задержания еще 42 года назад, в 1972 году, его последователей индийскому правительству не удается победить и в наши дни. Свою роль играет лесистая местность индийских штатов, входящих в «Красный коридор», но нельзя забывать и о массовой поддержке партизан со стороны крестьянского населения.

Очагом восстания наксалитов в конце 1960-х гг. стала Западная Бенгалия. Этот индийский штат отличается густонаселенностью – только по официальным данным на его территории проживает более 91 миллиона человек. Во-вторых, в Западной Бенгалии очень сильны социальные проблемы, связанные не только с густонаселенностью, но и с последствиями войны за независимость Бангладеш, приведшей к переселению на территорию Индии миллионов беженцев. Наконец, в Западной Бенгалии очень остро стоит земельная проблема. Радикальные коммунистические повстанцы привлекли симпатии крестьянских масс именно тем, что пообещали последним решение земельного вопроса, т.е. насильственное перераспределение земель крупных землевладельцев в пользу безземельного и малоземельного крестьянства.

С 1977 по 2011 гг. в Западной Бенгалии находились у власти коммунисты. Хотя они представляли более умеренную в политическом отношении Коммунистическую партию Индии (марксистскую), сам факт нахождения левых сил у власти в столь важном индийском штате не мог не давать надежду их более радикальным единомышленникам на скорое построение социализма. Тем более, что маоистским повстанцам Индии все это время оказывал поддержку Китай, рассчитывающий с помощью последователей Мао Цзэдуна на полуострове Индостан существенно ослабить своего южного соперника и получить рычаги влияния в Южной Азии. С той же целью Китай поддерживал маоистские партии в Непале, Бирме, Таиланде, Малайзии, на Филиппинах.

Западная Бенгалия стала эпицентром «народной войны», за три последних десятилетия XX века распространившейся на территорию «Красного коридора». Когда в Западной Бенгалии пришли к власти умеренные коммунисты из КПИ (марксистской), маоисты получили фактическую возможность вести легальную агитационную деятельность и даже создавать свои базы и лагеря на территории сельских районов штата. В обмен они обещали не совершать

вооруженных вылазок на территории, контролируемой их более умеренными единомышленниками.

Постепенно роль очага вооруженного сопротивления перешла к соседним штатам Андхра-Прадеш, Бихар, Джаркханд и Чхаттисгарх. Специфика этих штатов в том, что здесь, помимо собственно индусов – бенгальцев, бихарцев, маратхов, телугу – проживают также многочисленные аборигенные племена. Они в расовом отношении представляют собой промежуточный тип между индийцами и австралоидами, приближаясь к дравидам Южной Индии, а в этнолингвистическом отношении принадлежат к австроазиатской ветви и входят в т.н. «семью народов мунда».

В эту семью входят как собственно мунда и санталы, так и более мелкие этносы – корку, кхариа, бирхоры, савари и т. д. Общая численность народов мунда превышает девять миллионов человек. При этом они всю свою историю находились за пределами традиционной индийской кастовой системы. По сути, в кастовом обществе невхождение в кастовую систему обеспечивало им место «неприкасаемых», то есть – самый низ социальной иерархии индийского общества.

В Индии лесные народы центральных и восточных штатов принято обобщать под названием «адиваси». Изначально адиваси были лесными жителями и именно лес являлся естественной средой их обитания и, соответственно, сферой хозяйственных интересов. Как правило, хозяйственная жизнь адиваси замыкалась в пределах расположенной в лесу деревни. Племена адиваси вели натуральное хозяйство и контактировали с соседними общинами только по мере особой надобности, в том числе – для обмена собранных в лесу лекарственных растений, фруктов и т. д.

Учитывая, что большая часть представителей адиваси занималась примитивным земледелием, а то и вовсе рыболовством и собирательством, их уровень жизни находился далеко за чертой бедности. В экономическом отношении адиваси отличаются значительной отсталостью. До сих пор на территории центральных и восточных штатов Индии проживают племена, не знакомые с пашенным земледелием, а то и вовсе сосредоточенные исключительно на собирательстве лекарственных растений. Низким уровнем экономического развития обусловливается и тотальная нищета адиваси, особенно отчетливо проявляющаяся в современных условиях.

К тому же, адиваси подвергаются эксплуатации со стороны более развитых соседей – как индоарийцев, так и дравидов. Пользуясь своими финансовыми и силовыми ресурсами, землевладельцы из числа представителей высших каст сгоняли адиваси с их земель, вынуждая заниматься батрацким трудом или превращаться в городских париев. Как и многие другие народы, отрываемые от привычных условий существования, адиваси вне лесной среды моментально превращаются в изгоев общества, часто деградируя и в моральном, и в социальном отношении и, в конечном итоге, погибая.

В конце XX века ситуация усугубилась повышенным вниманием к землям проживания адиваси со стороны крупных лесопромышленных и горнодобывающих компаний. Дело в том, что Восточная Индия богата и лесными, и минеральными ресурсами. Однако, чтобы получить к ним доступ, надо освободить территорию от проживающего на ней коренного населения – тех же самых адиваси. Хотя адиваси являются аборигенными народами Индии и проживали на полуострове задолго до появления индоарийских этносов, их законное право на проживание на своей земле и владение ее ресурсами совершенно не волнует ни индийские власти, ни зарубежных промышленников, положивших глаз на лесные массивы Андхра-Прадеш, Чхаттисгарха, Западной Бенгалии и других восточноиндийских штатов. Между тем, развертывание добычи полезных ископаемых в зоне непосредственного проживания и хозяйствования адиваси неизбежно влечет за собой их выселение за пределы деревень, прекращение традиционных промыслов и, как мы отметили выше, полную маргинализацию и медленное вымирание.

Когда маоисты распространили свою деятельность за пределы Западной Бенгалии, они обратили внимание на адиваси как на потенциальную социальную базу. При этом симпатии маоистов вызвало не только крайне низкое положение адиваси в социальной иерархии современного индийского общества и их почти поголовная бедность, но и сохранение значительных компонентов общинного строя, что могло рассматриваться как благоприятная база для утверждения коммунистических идей. Напомним, что и в соседних государствах Индокитая, в частности в Бирме, маоисты опирались в первую очередь на поддержку отсталых в социально-экономическом отношении и притесняемых горных народов.

С другой стороны, и индийские власти, а в первую очередь – землевладельцы и промышленники, – прекрасно понимая, что обездоленных адиваси легко превратить в своих марионеток, заинтересовав даже небольшими деньгами, вербуют тысячи представителей лесных народов в ряды полувоенных формирований, находящихся на службе местных богачей и лесопромышленных компаний. В результате, адиваси оказываются вовлеченными в процесс взаимного уничтожения. Боевики частных военных отрядов уничтожают деревни своих собственных племен, убивая соплеменников. В свою очередь, крестьяне в массовом порядке вступают в ряды маоистских повстанцев и атакуют полицейские участки, имения землевладельцев, штабы проправительственных политических организаций.

Индийское правительство фактически воспроизводит колониальную политику своих британских предшественников. Только если британцы колонизировали Индию, эксплуатируя ее богатства, то современные индийские власти колонизируют собственную территорию, превращая ее во «внутреннюю колонию». Даже политика в отношении адиваси очень напоминает колониальную. В частности, деревни и племенные общины разделяются на «дружественные» и «враждебные». Первые лояльны властям, вторые, как следует, настроены оппозиционно и участвуют в вооруженной борьбе маоистов. В своем стремлении к подавлению маоистской «народной войны» индийское правительство, как и колонизаторы в свое время, стремится действовать по принципу «разделяй и властвуй», опираясь на поддержку «дружественных» адиваси.

Используя опыт колониальных предшественников, индийские власти активно применяют против наксалитов подразделения сил безопасности, набранные в совершенно других регионах страны, из представителей чуждых в этнокультурном отношении народностей. Так, активно используются полицейские полки, укомплектованные представителями этносов нага и мизо – выходцами из штатов Нагаленд и Мизорам, которые широко известны своими воинскими традициями и навыками. В штате Чхаттисгарх с 2001 г. находится батальон «Нага». С другой стороны, власти штата при поддержке полицейского руководства способствуют формированию частных отрядов землевладельцев и военизированных проправительственных организаций, набирающих своих боевиков из числа самих адиваси. Сами маоисты обвиняют индийские власти в использовании американских инструкторов – специалистов по антиповстанческой борьбе – для обучения личного состава полицейских подразделений.

С 2005 г. в «зоне племен» действует движение «Сальва Джудум», инспирированное индийским правительством при непосредственном организационном и финансовом руководстве местной феодальной верхушки. Задачей этого движения является антиповстанческая борьба с опорой на силы самого крестьянства адиваси. Благодаря правительственной пропаганде, финансовым вливаниям и деятельности традиционных племенных авторитетов, многие адиваси становятся на сторону правительственных сил в борьбе с маоистами. Они формируют собственные патрули, осуществляющие поиск и уничтожение повстанцев. Для участия в деятельности этих патрулей вербуются вспомогательные полицейские из числа молодежи адиваси.

Вспомогательным полицейским не только платится неплохая по меркам адиваси заработная плата, но и выдается оружие, продовольствие, а главное – многие из молодых адиваси, присоединившись к «Сальва Джудум», получают возможность впоследствии поступить уже

на кадровую полицейскую службу, то есть устроить свою дальнейшую судьбу так, как она никогда не стала бы устроена в деревне или повстанческом лагере. Разумеется, значительная часть вспомогательных полицейских первыми погибает в столкновениях с маоистскими повстанцами, тем более если учитывать, что их вооружение и обмундирование значительно хуже, нежели у кадровых сил безопасности, а подготовка также оставляет желать лучшего (многие вспомогательные полицейские представлены вообще несовершеннолетними подростками, которые записываются в эти отряды, руководствуясь скорее романтическими побуждениями).

Жестокость «Сальва Джудум» по отношению не только к повстанцам – маоистам, но и к рядовым крестьянам адиваси, впечатляет. Как и полицаи, находившиеся в годы войны на службе у гитлеровцев, в Индии вспомогательные полицейские надеются своей жестокостью выторговать у хозяев более значительное жалованье или быть зачисленными в кадровый состав полиции. Поэтому, выслеживая повстанцев, они расправляются и с сочувствующими им крестьянами. Так, деревни, где маоисты пользуются влиянием и поддержкой местного населения, сжигаются дотла. При этом жители насильно переселяются в правительственные лагеря. Неоднократно становились известными случаи массового убийства мирных жителей со стороны вспомогательных отрядов, преступлений на сексуальной почве.

Международные организации обращают внимание на недопустимость насилия со стороны полицейских формирований в отношении мирного населения. Однако правительство Индии предпочитает не распространять информацию о действительном положении в «зоне племен» и, прежде всего, в т.н. «правительственных лагерях», куда насильно переселяются адиваси из деревень, прежде находившихся под контролем маоистских повстанческих отрядов. Хотя в 2008 году правительством штата Чхаттисгарх деятельность подразделений «Сальва Джудум» была приостановлена, фактически они продолжили существовать под другими вывесками, не меняя своей сущности и тактики в отношении маоистов и поддерживающего их крестьянского населения.

Следует отметить, что у адиваси, несмотря на бедственное положение их подавляющей части, есть также и своя верхушка, относительно преуспевающая даже по меркам более развитых индоарийцев. Прежде всего, это племенные феодалы и землевладельцы, традиционные священнослужители, находящиеся в тесном взаимодействии с правительственными чиновниками администраций штатов, полицейским командованием, крупными лесопромышленными и горнодобывающими корпорациями. Именно они осуществляют непосредственное руководство той частью формирований адиваси, которая выступает против маоистских повстанцев.

25 мая 2013 года маоистскими повстанцами был атакован кортеж партии «Индийский национальный конгресс». В результате нападения погибло 24 человека, среди которых был и шестидесятидвухлетний Махендра Карма. Этот богатейший в штате Чхаттисгарх человек по своему происхождению сам принадлежал к адиваси, но в силу своего социального положения в обществе никогда не ассоциировал собственные интересы с нуждами притесняемых соплеменников из числа крестьян. Именно Карма стоял у истоков «Сальва Джудум» и на нем лежит, по мнению маоистов, непосредственная ответственность за помещение свыше 50 тысяч адиваси округа Дантевада в правительственные концлагеря.

Несмотря на усилия центрального правительства и администраций штатов по подавлению партизанских очагов в Восточной и Центральной Индии, вплоть до последнего времени ни силам безопасности и полиции, ни военизированным формированиям частных компаний и «Сальва Джудум» так и не удается преодолеть вооруженное сопротивление красных партизан. Во многом это объясняется поддержкой маоистов в самых разных слоях населения, обусловленной самой спецификой социально-экономической и политической ситуации в современной Индии и, особенно, в ее центральных и восточных штатах.

Примечательно, что маоисты также находят сторонников и среди представителей высших слоев населения. Как и в Непале, в руководстве индийских маоистов значительную часть

составляют выходцы из высшей касты брахманов. В частности, брахманом по происхождению был и Кишенджи, он же Котесвар Рао (1956—2011) – легендарный руководитель маоистских партизан в Андхра-Прадеш и Западной Бенгалии, убитый в столкновении с правительственными силами 25 ноября 2011 года. В юности получивший степень бакалавра по математике, Кишенджи отверг научную карьеру и с 18-летнего возраста посвятил себя революционной борьбе в рядах маоистской компартии. Однако, подавляющее большинство современных маоистов в штатах Восточной и Центральной Индии все же составляют адиваси. По данным средств массовой информации, среди индийских политических заключенных – маоистов, которых насчитывается до 10 тысяч человек, адиваси составляют не менее 80—90%.

Коммунистической партии Индии (маоистской), в которую в 2004 году объединились активнейшие вооруженные организации – Коммунистическая партия Индии (марксистско-ленинская) «Народная война» и Маоистский коммунистический координационный центр, удалось сплотить в своих рядах до 5000 вооруженных боевиков. Общее же количество сторонников и сочувствующих, на помощь которых могут опираться маоисты в их повседневной деятельности, насчитывает не менее 40—50 тысяч человек. Вооруженным крылом партии является Повстанческая армия освобождения народа. Организация разделена на отряды – «даламы», в каждом из которых насчитывается примерно от 9 до 12 бойцов (то есть, это своеобразный аналог разведывательно-диверсионной группы). В штатах Восточной Индии действуют десятки «даламов», как правило, укомплектованных молодыми представителями народов адиваси и «революционными романтиками» из числа городской интеллигенции.

В Индии маоистами активно применяется концепция «освобожденных районов», предусматривающая создание отдельных территорий, не подконтрольных правительству и полностью контролируемых повстанческими отрядами. На «освобожденной территории» провозглашается народная власть и параллельно с осуществлением вооруженных операций против правительственных войск, маоистскими повстанцами ведется работа по формированию параллельных структур управления и общественной организации.

В лесистой горной местности на стыке границ штатов Анжхра-Прадешь, Чхаттисгарх, Орисса и Махараштра, маоистским вооруженным отрядам удалось создать так называемую Особую зону Дан-Дакаранья. Фактически это районы, где не действует власть центрального индийского правительства и правительства штата. Деревни адиваси здесь находятся под полным контролем маоистов, которые не только организуют здесь свои военные базы, тренировочные центры и госпиталя, но и осуществляют всю полноту повседневного управления.

В первую очередь, маоистами был проведен ряд экономических реформ на контролируемой ими территории – перераспределена земля в пользу рядовых общинников, запрещено ростовщичество, модернизирована система распределения урожая. Созданы собственные органы управления – народно-революционные комитеты (джанатана саркар), включающие в себя Крестьянско-рабочий союз и Революционный женский союз. Отделения союзов – сангамы – выполняют базовые функции сельского самоуправления. То есть, они ответственны за проведение сельскохозяйственных работ, социальную защиту жителей деревень, их медицинское обслуживание и образование.

Маоистами организуются школы, где ведется обучение прежде поголовно неграмотных детей адиваси, осуществляется медицинское обслуживание населения, открываются (нонсенс для глухих районов Центральной Индии!) сельские библиотеки. Равным образом, осуществляются и запретительные мероприятия прогрессивного толка. Так, запрещаются детские браки, долговое рабство и прочие пережитки архаичного общества. Значительные усилия предпринимаются по повышению производительности крестьянских хозяйств, в частности крестьяне обучаются более эффективным методам земледелия. То есть, с точки зрения соблюдения интересов коренного населения, коммунистические повстанцы не выглядят экстремистами. Скорее

они выражают интересы коренных племен, способствуя повышению их уровня жизни и препятствуя агрессивным действиям со стороны лесопромышленников и землевладельцев.

Вместе с тем, маоистские повстанцы, действуя на «освобожденных территориях», проводили и принудительные мероприятия, в частности – осуществляли призыв молодежи как мужского, так и женского пола в партизанские подразделения. Естественно, что проводятся и репрессивные мероприятия в отношении крестьянской верхушки, бывших старейшин и священнослужителей, несогласных с политикой маоистской партии в деревнях. Имеют место и смертные приговоры маоистов в отношении местных жителей, протестующих против проводимых ими мероприятий на «освобожденных территориях».

Во многом, сложившаяся ситуация детерминирована законсервированностью социальных устоев в современном индийском обществе. Сохранение кастовой системы делает невозможным подлинное равноправие населения страны, что в свою очередь толкает представителей низших каст в ряды революционных организаций. Несмотря на то, что на протяжении нескольких последних десятилетий в Индии нарастает движение за права неприкасаемых и коренных народов, практическая политика индийского правительства, особенно на региональном уровне, резко отличается от декларируемых гуманистических целей. Свою лепту в эскалацию насилия вносят и местные олигархи, которых интересует только финансовая выгода, а конкретно – получение прибыли в результате продажи леса и минерального сырья иностранным компаниям.

Конечно, партизанская война, осуществляемая маоистами в штатах «красного коридора», не способствует улучшению социально-экономической ситуации в Индии. Зачастую действия маоистов оборачиваются эскалацией насилия, влекут за собой гибель сотен мирных жителей. Сложно отрицать и определенную жестокость, проявляемую повстанцами даже к мирному населению «освобожденных территорий» в случае нарушения последним идеологических догм и постановлений «народной власти». Но, нельзя и не отдать должное повстанцам в том, что они являются, пусть и заблуждающимися в чем-то, но все же борцами за реальные интересы адиваси. В отличие от правительства, которое, следуя традициям еще старой колониальной Британской Индии, стремится лишь выжать из подвластных территорий как можно большую прибыль, совершенно не интересуясь будущим проживающих там людей.

Примирение сторон в непрекращающейся более сорока лет «народной войне» в Восточной и Центральной Индии вряд ли может быть достигнуто без коренных преобразований в социальной и экономической сферах жизни страны. Естественно, что индийское правительство и, тем более, финансовая олигархия и феодалы-землевладельцы, никогда не пойдут на реальное улучшение условий жизни для адиваси. Прибыль, получаемая от распродажи природных ресурсов и леса, эксплуатации некогда принадлежавших адиваси лесных территорий, будет перевешивать, тем более, что можно говорить и о присутствии иностранного фактора – заинтересованных зарубежных компаний, собственникам которых уж точно неинтересна судьба безвестных «людей племен» в труднодоступных уголках далекой Индии.

«Семь сестер» берут автоматы

Современная Индия – это не только «индусы», под которыми мы понимаем индоарийское население северных штатов, исповедующее индуизм, но также и темнокожие дравидийские народы Южной Индии, живущие в лесах центральных штатов племена Мунда, сикхи и мусульмане северо-западных провинций, наконец – многочисленные тибето-бирманские народы Гималаев и Северо-Восточной Индии. Национальное самосознание каждой этнической группы подогревается не только стремлением к повышению своего статуса в государстве, но и влиянием иностранных государств, не всегда дружелюбно настроенных по отношению к усилению Индии.

На протяжении многих десятилетий народы Северо-Восточной Индии ведут вооруженную борьбу за расширение прав своих автономий, а то и за окончательное отделение от индийского государства. Эти народы населяют семь северо-восточных штатов Индии, история и культура которых гораздо в меньшей степени известна за пределами страны по сравнению с «колыбелью индийской цивилизации» – междуречьем Инда и Ганга. Эти штаты – Аруначал Прадеш, Ассам, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Трипур. Отделенные территорией суверенного государства Бангладеш, они имеют сообщение с остальной частью Индии лишь по узкому «коридору Силигури», который достигает ширины от 21 до 40 километров и представляет собой полоску земли между индийской, бангладешской, непальской и бутанской границами.

Но не только естественные преграды отделяют северо-восточные штаты от основной части индийского государства. С давних времен их историческое и культурное развитие осуществлялось достаточно автономно от основных очагов индийской культуры. Это было обусловлено как географическим положением, так и национальными различиями. Люди здесь совершенно другие. Если основная Индия – индоарийцы и дравиды, то здесь – территория компактного проживания тибето-бирманских и даже тайских и австроазиатских (мон-кхмерских) племен. По расовой принадлежности большая часть коренного населения – монголоиды, в культурном отношении более близкие к населению соседнего Тибета или Бирмы (Мьянмы), нежели к основной части Индии. Естественно, что пограничное положение обусловливает и территориальные претензии на ряд территорий Северо-Восточной Индии, прежде всего со стороны соседнего Китая.

Хотя ассамцы и бенгальцы, которые сегодня являются наиболее многочисленными народами региона, относятся к индоарийской языковой группе и исповедуют индуизм или (в меньшей степени) ислам, горные и труднодоступные районы северо-восточных штатов населены коренными народами. Это нага, бодо, кхаси и другие племена, имеющие очень отдаленное отношение к индийской культуре. В равной степени и в конфессиональном отношении коренные тибето-бирманские, тайские и австроазиатские народности существенно отличаются от большинства индийцев. В национальных штатах Мегхалая, Мизорам и Нагаленд большая часть населения исповедует христианство (результат многолетнего усердия английских миссионеров), в пограничных с Китаем, Мьянмой и Бутаном районах традиционно высок процент буддистов.

Со второй половины XX в. национальные меньшинства северо-восточной Индии ведут активную борьбу за автономию и даже полное самоопределение. Естественно, не без поддержки заинтересованных в ослаблении Индии государств – сначала Великобритании, а затем и Китая, который не может примириться с нахождением этих земель в составе индийского государства. Прежде всего, следует напомнить что в первые годы после провозглашения независимости Индии ее северо-восточная часть входила в состав единого штата Ассам. Появление шести других штатов само по себе явилось следствием многолетней борьбы за национальную

автономию со стороны этнических меньшинств региона. Вынужденная уступать и идти на компромиссы, Индия волей-неволей разделила ассамскую территорию, хотя бы приблизительно постаравшись наделить каждую группу национальных меньшинств собственной автономией.

Однако многократные разделы Ассама отнюдь не вызвали прекращение гражданской войны и стабилизацию социально-политической ситуации в регионе. Сегодня практически в каждом штате существуют очаги вооруженного сопротивления, труднодоступные районы центральная индийская власть полностью не контролирует, даже несмотря на многократное превосходство над повстанцами в живой силе, вооружении и финансовом обеспечении.

Чтобы составить представление о военно-политической ситуации в этом стратегическом регионе Южной Азии, необходимо остановиться на каждом штате более подробно, уделив внимание и тем вооруженным группам, которые действуют на его территории.

Самым крупным по численности населения и исторически развитым штатом Северо-Восточной Индии является Ассам. Здесь живет более 31 млн. человек. На протяжении шестисот лет, с 1228 по 1826 гг., на территории современного Ассама существовало царство Ахом, основанное вторгнувшимися сюда тайскими племенами. Ассамский язык относится к индоарийской группе индоевропейской языковой семьи, но полон заимствований из национальных языков тайских, тибето-бирманских и мон-кхмерских народов. Существенные различия исторического пути и культурного облика побуждают многих ассамцев утверждать необходимость полного отсоединения от Индии, что стало бы восстановлением исторической справедливости.

Объединенный фронт освобождения Ассама был создан еще в 1979 году и с тех пор ведет вооруженную борьбу за создание независимого государства Ахом. Естественно, что отделение Ассама от Индии может быть выгодно, в первую очередь, Китаю, под контроль которого попадет государство в случае провозглашения независимости, а также Пакистану, для которого создание и поддержание нестабильности на северо-восточных границах Индии означает ослабление ее присутствия в Джамму и Кашмире, с перспективой отторжения населенных мусульманами земель.

Помимо ОФОА, на территории Ассама действует также Национально-демократический фронт Бодоланда. Бодоланд – это четыре округа на севере Ассама, на индийско-бутанской границе. Здесь проживает народность бодо, язык которой относится к тибето-бирманской группе. Полуторамиллионный народ бодо имеет собственную уникальную религию, хотя сегодня ощутимая часть бодо придерживается христианства. С 1996 по 2003 гг. вооруженная организация «Тигры освобождения Бодоланда» вела вооруженную борьбу за автономию с индийскими правительственными войсками. В конце концов официальный Дели был вынужден уступить и территория Бодоланда сформировала особую национальную автономию в составе штата Ассам. Национально-демократический фронт, существующий с 1986 г., результаты соглашения между «тиграми» и индийским правительством не признал и, хотя еще в 2005 г. было заключено перемирие, периодически боевики фронта совершают вооруженные вылазки как против индийских военнослужащих, так и против конкурирующих «Тигров освобождения Бодоланда».

Мегхалая. Этот штат, чуть южнее Ассама, выделился из состава последнего в 1972 г. Здесь проживают народ кхаси, составляющий 47% населения и относящийся к мон-кхмерской языковой семье (вместе с кхмерами Индокитая), и тибето-бирманский народ гаро, составляющий 31% населения штата, а также ряд более малочисленных этносов. Более 70% населения штата исповедует христианство протестантских направлений. Однако влияние традиций также очень сильно и тибетоязычные гаро, к примеру, несмотря на христианское вероисповедание, остаются одним из немногих матрилинейных обществ мира. Если кхаси, некогда также имевшие собственное царство, относительно успокоились после создания штата Мегхалая, то гаро убеждены, что их права продолжают ущемляться.

В штате Мегхалая базируется Национальная армия освобождения гаро, которая известна недавним (4 ноября 2013 г.) нападением на индуистский праздник в соседнем штате Ассам.

Почему Ассам стал ареной действий этой радикальной организации – очень просто: представители миллионного народа гаро проживают и в этом штате, и мегхалайские гаро стремятся помочь соплеменникам воссоединить территории компактного проживания.

Манипур, граничащий с Мьянмой, – штат малочисленный по населению (2,7 млн. чел.). Его территория никогда не входила в состав Индии и развивалась совершенно отдельно, даже британские колонизаторы оставили власть махарадже. В 1947 г. в Манипуре была установлена собственная система правления, однако махараджа был принужден к подписанию договора о вхождении его княжества в состав Индии. Естественно, что значительная часть манипурцев не оставляла надежд на самоопределение и даже статус штата, данный Манипуру в 1972 г., не воспрепятствовал повстанческому движению, а напротив подхлестнул его на дальнейшее сопротивление уже за полную независимость.

На территории штата действует Фронт освобождения народов Манипура, включающий Народно-освободительную армию Манипура (Канглеипака, Объединенный фронт национального освобождения и Народно-революционную партию Канглеипака. Манипурские повстанцы выступают за полную независимость штата и выступают за создание на его территории социалистического государства. Китайское влияние в Манипуре плохо скрываемо – еще в 1980-е гг. боевики Народно-освободительной армии проходили обучение на китайских военных базах в Тибетском автономном районе.

Нагаленд первым из ассамских территорий получил статус штата – еще в 1963 г., что было связано с особой настойчивостью воинственного народа нага. Говорящие на тибето-бирманских языках нага имеют славу «охотников за головами». Даже принятие христианства и превращение их в один из наиболее христианизированных народов региона не повлияло на воинские качества повстанцев. Центральное индийское правительство Нагаленд фактически не контролирует. Сами жители называют свою территорию Народная республика Нагалим, а повстанческий Национальный социалистический совет Нагаленда действует как в Индии, так и в соседней Мьянме.

Одним словом, постколониальные национальные границы для нага не имеют никакого значения – они хотят иметь свой суверенитет на всей территории компактного проживания. На автодорогах штата действуют десятки контрольно-пропускных пунктов повстанцев, взимающих плату за проезд. Революционный налог взимается и со всех действующих на подконтрольных повстанцам территориях бизнесменов. В армию мобилизуют проживающее на подконтрольных территориях мужское население. Идеология Национального социалистического совета Нагаленда – смесь маоизма с христианством. Индийские власти утверждают об участии повстанцев-нага в трафике наркотиков из «золотого треугольника» соседней Мьянмы в Индию и Бангладеш.

Аруначал Прадеш – самый отдаленный северо-восточный штат Индии. Здесь проживает лишь около полутора миллионов человек, относящихся к 82 различным этносам, преимущественно исповедующим традиционные культы, тибетский буддизм и буддизм тхеравады. Это труднодоступная горная территория, граничащая с Китаем и традиционно являющаяся объектом территориальных претензий с его стороны. Фактически до 1947 г. значительная часть проживающих в Аруначале племен сохраняла независимость, поскольку колониальным властям регион не был особо интересен, и они ограничивались признанием вассалитета южных племен по отношению к Ассаму. Статус штата Аруначал получил только в 1986 г., до этого здесь существовала Союзная территория Аруначал, являвшаяся предметом спора Китая и Индии и причиной китайско-индийской пограничной войны в 1962 году.

Даже сейчас Аруначал Прадеш – очень замкнутый район. Самим индийским гражданам для посещения штата требуется внутренняя виза, а иностранцам – особое разрешение МВД. Между тем, культура проживающих здесь тибето-бирманских и тайских племен представляет значительный интерес, равным образом, как и буддийские монастыри, позволяющие называть

этот регион Южным Тибетом. Часть территории Аруначала находится в сфере интересов Национального социалистического совета Нагаленда, поскольку на ней проживают представители племен нага. Также с 2007 г. здесь действует Национально-освободительный совет Таниленда, союзный повстанцам нага. Однако, в целом Аруначал, судя по сводками мировых СМИ, является более спокойным регионом, нежели Ассам, Манипур или Нагаленд.

Мизорам. Этот штат отделился от Ассама только в 1987 г., также в результате продолжительной борьбы за независимость народа мизо. Национальный фронт мизо двадцать лет, с 1966 по 1986 гг., вел вооруженную борьбу за самоопределение этого христианского народа, родственного в языковом отношении тибето-бирманцам. Успех борьбы за статус штата повлиял на военно-политическую ситуацию в регионе, которая сегодня относительно спокойна по сравнению с соседними территориями.

Трипура, находящийся на границе с Бангладеш и также получивший статус штата лишь в 1972 г., на 70% населен бенгальцами и на остальную часть – местными коренными народами, крупнейший из которых – собственно трипура и дал название штату. Здесь традиционно сильны позиции коммунистов, а в джунглях ведет партизанскую войну Национальный фронт освобождения Трипуры. Примечательно, что здесь вооруженные атаки повстанцев направлены, прежде всего, на индуистское большинство населения. К национально-освободительным идеям примешивается неприязнь исповедующих христианство представителей тибето-бирманских народов Трипуры к индуистскому бенгалоязычному большинству.

Между повстанческими группировками, действующими в северо-восточных штатах Индии, существуют определенные параллели. Все они имеют ярко выраженную этническую подоплеку, опираются на исторические и культурные отличия северо-восточных штатов, как правило пользуются поддержкой тех этнических групп, которые исповедуют христианство и чужды индуизму с его кастовой идеологией. Социалистическая ориентация значительной части повстанческих группировок свидетельствует в пользу их прокитайской направленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.